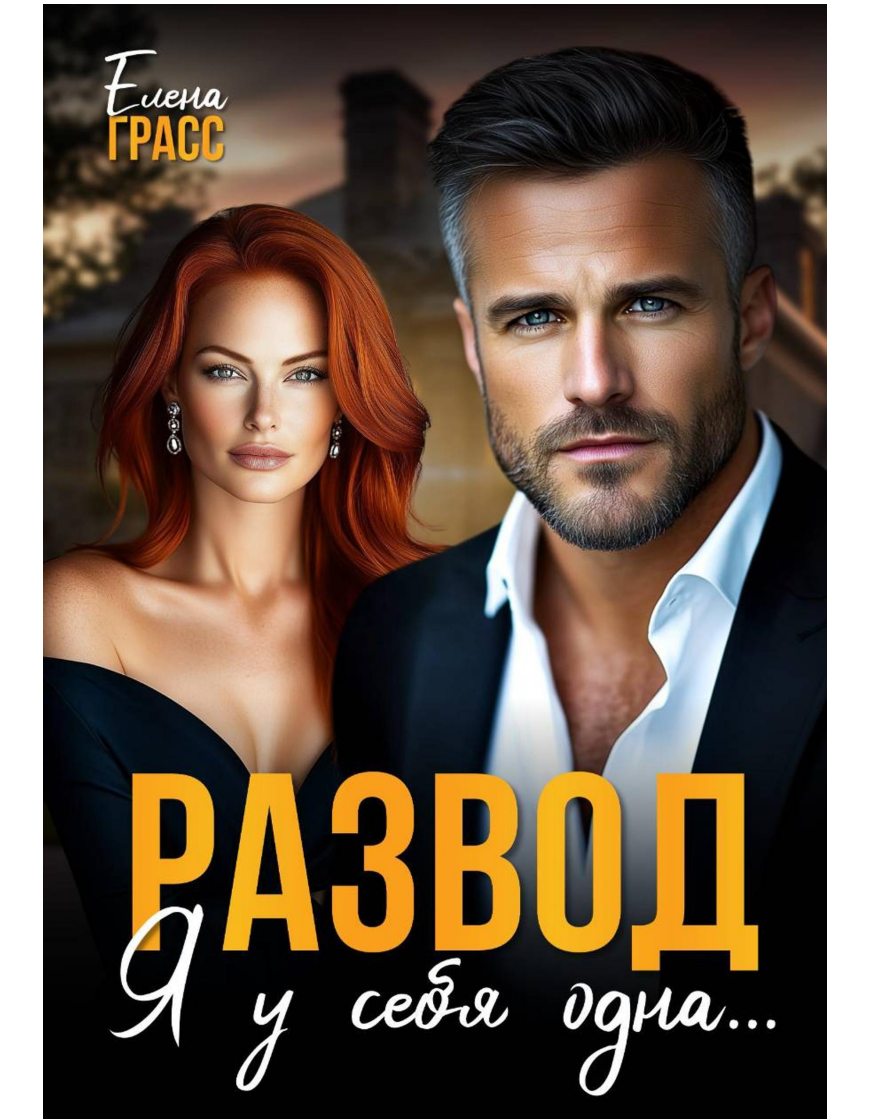

Елена
ГРАСС

РАЗВОД

Я у себя одна...

Елена Грасс

Развод. Я у себя одна

<https://litres.ru/74652747>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Я хочу поговорить с вами о нажитом имуществе, – задаёт деловой тон пассия моего бывшего мужа, присаживаясь без приглашения за стол переговоров.

– Я с вами ничего не наживала.

– О вашем имуществе с Аркадием! – уточняет.

– А вы к нему какое отношение имеете? – пожимаю плечами.

– Самое прямое! Я его будущая жена! И если он не торопится потребовать от вас того, что принадлежит ему по праву, значит, это сделаю я!

Поездка в отпуск для моего супруга закончилась его романом с молодой девицей. Узнав об измене, я подала на развод.

Вопрос раздела имущества закрыт, но неожиданно его любовница решила, что он произведён нечестно.

А честно, по её мнению – это: мне чемодан, пару платьев и трусов, а ему наш дом и компания.

А как иначе? Он ведь там был боссом, а я так, на побегушках...

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	65
Глава 9	75
Глава 10	82
Глава 11	92
Глава 12	100
Г	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Развод. Я у себя одна

ПРОЛОГ

АРКАДИЙ

Мой сын застукал меня в ресторане с другой женщиной.

Причём в самый неподходящий момент, когда моя любовница полезла ко мне со страстным, откровенным поцелуем.

Он сделал вид, что не видел меня, а я сам не рискнул подойти к нему с объяснениями.

Решил не рисковать, зная, какой он бывает импульсивный, потому что имел в этот момент все шансы нарваться на конфликт в общественном месте.

После того как он и его девушка вышли из ресторана, я отправил ему смс: «Игнат, матери ничего не говори, я всё объясню ей сам», но ответа не получил.

Он заблокировал мой номер телефона.

Что же, это его право, конечно... но почему-то всё равно обидно.

Сегодня решил, что поеду к сыну вечером после работы. Я знаю, что будет конфликт, но бесконечно прятаться от правды — не самый лучший выход.

Вести себя как страус, который засовывает голову в песок, надеясь, что проблема исчезнет сама собой, не собираюсь.

Уверен, чтобы я не говорил про свои чувства к другой

женщине, сын сразу примет сторону своей матери, но поговорить всё-таки необходимо.

Так хочется, чтобы он услышал и меня, и попытался понять. Ведь он взрослый человек! Мужчина, который наверняка понимает, что такое, когда страсть берёт верх над разумом и ответственностью.

Мы все люди, и у нас бывают моменты слабости.

В конце концов, он сам знает, что значит чувствовать физическое влечение. С Надей своей, вон как обжимается постоянно.

Да, я старше его в два раза, ну и что? Разве возраст — это приговор для мужика? Я тоже могу и хочу, в конце концов, испытывать желание. А сейчас оно настолько сильно, что невозможно это игнорировать.

С Оксанкой я словно вторую молодость в своей жизни проживаю и чувствую себя абсолютно счастливым.

— Игнат, — подъезжаю к подъезду дома сына, набираю со второго номера, — если ты один, давай я поднимусь, и мы поговорим. Если вы вдвоём, тогда спустись ко мне сам. Но не бегай от меня.

Через несколько минут сын спускается ко мне.

Глядя в его лицо, замечая нежелание пожать мне руку на приветствие, догадываюсь: спокойного разговора у нас не получится.

— Ну что, говори откровенно: у меня есть смысл перед тобой оправдываться или нет? Сможешь ты понять меня как

мужик мужика? — сразу же начинаю первым.

— А ты сможешь оправдаться? — ухмыляется и одновременно удивляется.

— Думаю, что нет, — отвечаю честно.

— Ну вот и я так думаю. Не стоит и начинать. Пустые разговоры и хлопоты.

— В рожу, мне, поди, дать хочешь... — сын кивает. — Ты матери рассказал всё? — снова кивает. Напряжение между нами чувствуется на физическом уровне.

— Конечно, рассказал, — ну, хотя бы не юлит. Да, я почувствовал изменения в поведении Лины, когда звонил ей. Ведь я не первый день её знаю. — Отец, ты мне только одно скажи: зачем ты так с мамой?

— Сынок...

— Нет, не сынок! — Игнат перебивает и не даёт вставить слово. — У вас же уже была подобная история десять лет назад, но ты, видимо, никаких выводов не сделал! Забыл, как порог нашего дома оббивал, чтобы мама простила тебя?! Почему ты снова предаёшь её?

— Слушай, — злюсь, — давай ты не будешь читать мне морали и вспоминать, что было раньше, а? Нефиг меня призывать к чувству вины! Ты не мой психотерапевт, в конце концов! С твоей матерью мы сами разберёмся. Я приехал совершенно за другим.

— А зачем тогда?

— Я приехал, чтобы донести до тебя: даже несмотря на

то, что с мамой мы расходимся, я по-прежнему люблю вас и не хочу прерывать общение ни с тобой, ни с Машей. Не надо меня блокировать и делать вид, словно твоего отца не существует, только потому, что я влюбился! Ты не маленький мальчик и должен допускать ту мысль, что я могу кем-то кроме твоей матери увлечься, и...

— Знаешь, тогда десять лет назад, когда ты ушёл от нас, а потом вернулся и ползал у мамы в ногах, я очень жалею, что мы с Машей уговорили маму простить тебя и позволить вернуться в семью, — мои доводы не принимает и перебивает. — Теперь меня просто пожирает чувство вины перед ней. Не представляю, как мне извиняться и каяться за свою ошибку. Если бы можно было открутить эти годы назад, я совершенно точно сейчас не стал такого делать. Ты из той категории людей, которые ничего не ценят и не будут ценить никогда. Удивительно даже, что ты продержался десять лет, и не изменил ей. А может, просто не попался как недавно, вот и всё. Вот точно говорят: предавший раз предаст и дважды!

— Игнат, не надо так! Я хочу уйти по-доброму, без конфликта. Я влюбился, понимаешь? — всё равно оправдываюсь перед сыном, хоть и не планировал. — Хочу честно поступить по отношению к твоей матери.

— Нет, отец, ты уходишь не поэтому. Ты уходишь потому, что я застал тебя с другой бабой. Потому что выбора у тебя нет теперь. Как же ты был смешон, когда написал мне смс, мол, ничего не рассказывай матери. Неужели думаешь, что

я между тобой и мамой выбрать бы стал?

— Игнат, сынок, да послушай же ты... — на нервах бью ладошкой по рулю.

— Всё, уходи, — отрицательно крутит головой, не желая слушать. — И больше никогда не возвращайся! Будешь вредить маме, я тебя уничтожу, — поднимает перед моим носом крепко сжатый кулак, совершенно точно намекая, что, если я не сделаю, как он скажет, этот кулак окажется на моей физиономии.

Затем сын резким движением открывает дверь машины и быстро уходит.

Сижу несколько минут в ступоре. Я ожидал примерно такой реакции, но всё-таки надеялся поговорить спокойно и достучаться до сына.

Голова гудит нещадно, а впереди ещё тяжелый разговор с женой.

Да, я понял, что жена знает про любовницу, и сын мне это подтвердил.

Лина молчит, потому что ждёт, когда я выполню своё обещание, данное десять лет назад, и признаюсь в новой измене сам.

Правильно, не будем затягивать. Притворяться совсем не хочется, да и Оксанка ждёт меня к себе.

Жена уже спит. Нет, будить не буду. Завтра поговорим. Следующий день Лины нет на работе, но я всё равно понимаю, что разговор неизбежен.

Вернувшись домой под вечер, бросив сумку с документами на тумбу, спешу в кабинет.

Машка скоро должна вернуться с занятий. Если уж разговаривать, то не при ней. Не хочу дочь расстраивать.

— Занят? — заходит следом жена.

— Не очень. Тебя жду.

— Поговорим?

— Да, так будет лучше.

— Говори сам, первый, как обещал десять лет назад. Думать не хочу, — по голосу её всё ясно: я для неё снова стал врагом. Но теперь уже навсегда.

— Я изменил тебе.

Кивает спокойно.

— Ты с ней давно?

— Три месяца. Это если говорить, сколько знаком.

— На Гоа познакомились, пока я болела, а ты летал один отдыхать? — Лина начинает разочарованно смеяться.

— Ну да, — не вижу смысла врать. — Точнее, когда рейс задержали на обратной дороге домой. На Гоа я был один, я не врал.

— Верно... врать ты начал позже. И деньги поди брал из бюджета нашей компании на неё? Шмотки, тачка... что там ещё? Как банально...

— Нет, она с деньгами сама, в них она не нуждается. Ей не нужны мои деньги.

— Наши! — поправляет меня, словно унижить хочет.

— Плевать! Мои, наши, какая разница?! Не из-за денег она меня любит. Я ей нужен, Лин. Я! — с гордостью стучу кулаком в свою грудь. Эх, какое же это невероятное чувство знать, что такая прекрасная и красивая девушка, как Оксана нуждается именно во мне, без всяких условий и оговорок.

— Что-то мне подсказывает, что ты ошибаешься, — усме-
хается.

А мне плевать, что ей там её шестое чувство подсказывает.

Неужели я буду что-то ей доказывать? Мы скоро станем чужими людьми, нас будут связывать только дети, и совместный бизнес. Хотя про бизнес теперь большой вопрос. Ладно, по ходу дела разберёмся.

— А ты считаешь, я настолько никчёмный, что меня полюбить нельзя просто так, как ты в своё время? Ты же тоже меня любила и нищего, и простого парня, без гроша за душой, — я нахожусь в состоянии какой-то странной эйфории после разговора с любовницей, когда я решил переехать к ней.

— Дурой была, причём дважды. Когда полюбила впервые, и когда простила тебя после первой измены. Не ради тебя себя ломала, ради детей...

— Прямо страдальца, — срывается сарказм с моих губ.

Лина резко отворачивается от меня и хочет уйти после этих слов, но потом останавливается, видимо, всё-таки желая высказать мне свои обиды.

— Нет, я не страдальца... Но ... — думает, что сказать, но через несколько секунд, видимо, меняет своё решение. — Хотя, что объяснять тебе, уроду моральному, если ты так ничего и не понял за эти годы. Я ведь на самом деле, когда ты ползал передо мной на коленях тогда, десять лет назад и вымаливал прощения, думала и надеялась, что ты не настолько глуп, чтобы в ту же воду... дважды... — Лине больно, я вижу, даже несмотря на то, что она ко мне спиной теперь и пытается скрыть эту боль.

— Так-то оно так. Только ты, Лин, прости, сама в моих изменах виновата... И в первый раз, и во второй.

— Что? Что ты только что сказал? — она поворачивается ко мне потрясённая после моих слов, и я замечаю, как в её глазах пылает пламя ненависти.

Глава 1

ЗА ТРИ МЕСЯЦА ДО СОБЫТИЙ. АНГЕЛИНА

Ночью горло нещадно саднило, голова раскалывалась, но я надеялась, что к утру мне станет чуть легче.

Осталась дома, чтобы отлежаться и не ходить сегодня на работу, не сказав мужу о своём самочувствии. Расстроится, уверена.

Надежды оказались напрасными, я слегла.

— Сколько там? Посмотри, — протягиваю мужу градусник, когда он появляется дома ближе к обеду, чтобы захватить кое-какие документы. Попытки самостоятельно увидеть цифры сводятся к нулю, потому что они словно плывут перед глазами. Сон пока мне не помог, и я чувствую себя абсолютно разбитой.

Муж забирает градусник, и когда он видит цифры, замечаю, как меняется его лицо.

— Почти сорок, Лин. А если быть точным, тридцать девять и восемь, — говорит он тихо, видимо, растерявшись.

— Ну, по своим ощущениям я так и думала... — вздыхаю, чувствуя, как холодный пот проступает на лбу. Озноб с новой силой пробегает по всему телу, хотя я закуталась в тёплый плед до самого подбородка.

Ёжусь. Кожа покрывается мурашками, а мои ледяные ноги не спасают даже шерстяные носки.

— Ты когда себя почувствовала плохо?

— Ночью.

— А чего не сказала? — он недоволен.

— Не хотела расстраивать, — и это было правдой.

— Скорую будем вызывать? Мне кажется, что надо, — смотрит на меня выжидающе.

— погоди пока. Попробуем сами сбить температуру. Зачем сразу скорую.

— А вдруг это что-то страшное? Затянем, мало ли.

— Думаю, обычная простуда. Только будь она неладна, не вовремя.

— Ну, смотри... я бы вызвал. Выглядишь ты, прости, без обид, не очень, — «поддерживает» меня муж.

— А я и чувствую себя точно так же, — улыбаюсь через силу и прикрываю глаза. — погоди, отлежусь, и всё будет нормально.

— Я сейчас принесу тебе лекарства. На работу не поеду больше. Останусь с тобой, мало ли что. Дела перед поездкой, вроде все закрыты. Необходимости ехать нет.

— Сам-то найдёшь?

— Куда я денусь, — пытается шутить, но по голосу чувствую, что расстроен.

Внутри меня теплится приятное чувство оттого, что муж так заботлив.

Проходит всего пара мгновений, и вот он уже возвращается ко мне с лекарствами и чаем.

Муж молчит, но по его задумчивому лицу и так всё понятно. Нас беспокоит один и тот же вопрос.

— Аркаш, выдохни, всё будет хорошо, — пытаюсь успокоить.

— Это поможет снизить температуру, и тебе станет легче, — говорит негромко.

Медленно глотаю горячий напиток, ощущая, как тёплая жидкость обволакивает горло, принося долгожданное облегчение.

Он внимательно следит за мной, ожидая, пока я допью всё до последней капли. Задумчиво смотрит, потом опять берёт в руки градусник и протягивает мне.

— Там вряд ли что-то изменилось, — но померить температуру, раз ему так хочется, соглашаюсь.

— Ну а вдруг... — не хочет отступать мой муж, — стала ещё выше, — переживает.

Всё как я и говорила, показывает практически те же цифры.

Допиваю лекарства, он забирает у меня пустую посуду, и, погасив свет, тихо выходит из комнаты.

— Поспи, родная, и станет легче. Зови, если что, я внизу.

— Спасибо, — киваю, закрываю глаза и проваливаюсь в глубокий сон.

Через несколько часов просыпаюсь, ощущая, как жар отступает, отдавая место слабому облегчению. Однако чувствую, будто каждая клеточка моего организма буквально

кричит: я совершенно ни на что не способна в ближайшие дни.

Это для меня тяжелее всего, потому что заболеть прямо перед отпуском — это катастрофа. Не только для меня, но и для Аркадия.

Мы ведь должны отправиться на Гоа уже завтра утром. И как быть теперь?

Даже представить себе не могу, как смогу выбраться из этой постели, не говоря уж о том, чтобы сесть в самолёт и улететь за тысячи километров от дома.

Чувствую, как слёзы подступают к глазам, хотя я редко плачу. Скорее всего — эта плаксивость результат болезни. Или усталости. Или всего вместе.

Мы с Аркадием так долго ждали этого отпуска, планировали поездку. Обсуждали детали, где лучше остановиться, какой отель выбрать, стоит ли взять экскурсии или просто расслабиться на пляже.

Он убеждал меня, что после всех сумасшедших рабочих дней и бесконечных дедлайнов, мы заслужили право хотя бы на неделю стать настоящими ленивцами. Муж убеждал меня, что нужно позволить себе хотя бы в этом году просто лежать на шезлонге, слушать шум прибоя и наслаждаться теплом солнца.

И я согласилась.

В турагентстве нам расписывали этот чудесный курорт, и у меня не осталось ни капли сомнения в том, что это путе-

шествие будет незабываемым.

Гоа, — вещала восторженно девушка, — штат-курорт на юго-западном побережье Индии, где больше сотни километров золотистых пляжей с кокосовыми пальмами на берегу. Комфортабельные отели, для прогулок, старинные индуистские и португальские храмы. А какие там морепродукты! — закатывала глаза в восторге, как будто сама только что оттуда приехала пару дней назад. — Вы там ещё не были?

— Как-то не удавалось... Работали много. Вот, наконец-то решили выбраться.

— О! Очень жаль! Вы много потеряли! Там, если однажды побывать хочется вернуться туда снова и снова!

Вот и побывали...

Вместо сбывшихся мечт я лежу в постели, ощущая слабость и раздражение оттого, что моё тело предало меня именно сейчас, а Аркадий мечется между обязанностями и мечтами.

— Ну что, как дела? — раздаётся голос мужа у двери. — Ждал, пока ты проснёшься, хотел узнать, как ты.

— Немного лучше, — вру. На самом деле, я чувствую себя ужасно, но нужно ли ему знать это.

На минуту повисает неловкое молчание.

— Вот ведь незадача, ну почему именно сейчас?! — наконец-то не выдерживает Аркадий, его раздражение и чувство досады прорываются наружу.

— Понимаю, Аркаша. Но стоит ли злиться, ведь я не вино-

вата, правда? Это то, что я совершенно точно не могла контролировать при всём своём желании, — стараюсь ободряюще улыбнуться.

Понимает, он, всё, конечно.

— Да я тебя и не виню, — тихо произносит он, опустив взгляд. — Просто... Нам же лететь завтра, помнишь? — Киваю. — Ну вот... Нужно решить, что делать дальше с этими злосчастными билетами.

— Мне кажется, здесь всё просто. Сначала посмотрим договор, который мы подписали с турфирмой и примем решение. Может, там есть какие-то лазейки, чтобы вернуть деньги, хотя, если частично, за мой отказ. Хотя я в этом очень сомневаюсь. Ты сам знаешь, такие договоры обычно составлены так, чтобы максимально защитить интересы компании, а не клиента. И, скорее всего, наша попытка расторгнуть договор по причине моей болезни обернётся потерей значительной суммы денег.

Аркадий молча кивает, берёт документы в руки и начинает искать информацию об условиях возврата билетов и тура.

Он сосредоточенно листает страницы, внимательно изучая каждый пункт договора. Обычно такие вопросы решаю я, но сегодня мне не до таких «мелочей».

Время тянется медленно, тишина в комнате становится почти осязаемой.

Наконец, муж отрывается от документов и смотрит на меня с досадой.

— Ну... Говори как есть.

— Ничего хорошего, — отвечает, тяжело вздыхая. — Как ты и предполагала, все условия жёстко прописаны. Если отменяем поездку по нашей инициативе, теряем бóльшую часть стоимости билетов и тура. Есть вариант попробовать оформить возврат через медицинскую справку, но гарантии никакой, что решение будет нашу пользу. Даже здесь они подстраховались. Туроператор может отказать. Это прямо в условиях написано, — зло отбрасывает договор на кровать.

— Ты сам-то чего хочешь? Только злишься и нервничаешь.

— Не знаю. Терять деньги — так себе идея. Может, съездить одному, — юлит, чувствую и неуверенно говорит вслух своё предложение. — Ты как, обидишься?

Снова в комнате повисает молчание.

— Я не из детского сада, чтобы обижаться на такие вещи. Если настроился и не хочешь отменять... — не хочет, вижу.

— Может, получится перенести на неделю, — снова берёт в руки договор, листает его, в надежде найти где-то пункты о переносе на другие даты. — Нет, таких условий нет. Мне как-то неудобно перед тобой, Лин, что ли... — ходит нервно по комнате, мельтеша перед глазами.

Меня это уже начинает раздражать, но решение ещё не принято, поэтому он не спешит выйти.

— По закону подлости, — начинает рассуждать мой муж, — я теперь тоже рискую слечь прямо следом за тобой. Всё-

такимы спали в одной постели.

— Аркаш, хочешь ехать, поезжай. Не хочешь, тогда оставайся дома. Выбор за тобой. Я не поеду точно. Мои билеты и тур мы потеряли. Проблема, на самом деле решается очень быстро, только тебе нужно взять ответственность за её решение. В любом случае я ни на чём не настаиваю, — глаза, как у ребёнка, загораются оттого, что я не уговариваю его остаться дома. — Ты тоже имеешь право на отдых, — кивает. Ему нравится слышать то, что я говорю. — Да, я заболела, ты пока здоров. Только если решишь ехать один, обязательно выпей противовирусные и захвати с собой аптечку.

— Я уже выпил, — признаётся. — Честно говоря, я уже настроился на эту поездку. Было бы обидно потерять билеты и весь тур.

Киваю, отворачиваюсь, закрываю глаза. Хочу, чтобы он понял, что больше не хочется обсуждать этот вопрос. Ситуация ерунда, а столько сил вытянула.

Он уже взрослый человек, а значит, сам может решить, ехать ему или нет. Ему ведь не нужна нянька, справится и без меня.

Я не собираюсь устраивать трагедию из-за того, что он уезжает один. Аркадий так же, как и я, давно мечтал об этом отпуске. Заставлять его сидеть рядом со мной, когда я больна — на мой взгляд это было бы слишком эгоистично с моей стороны.

Глава 2

Честно, думала, что откажется от поездки, но он всё-таки решил ехать.

Даже не знаю, как к этому в итоге относиться, но неожиданный эгоизм явно показал себя во всей красе.

Последние пару лет, после того как он уволился из компании, в которой работал и устроился в нашу, мой муж всё чаще относится к своей внешности очень внимательно.

Запонки, обувь, галстук и рубашки к повседневному костюму выбирает тщательно и обязательно сам.

— Положение директора обязывает, — объясняет постоянно, когда я улыбаюсь на его попытки выглядеть солидно.

Аркадий как ребёнок играет с должностью биг — босса, но меня эта ситуация до недавнего времени только забавляла.

Напрягаться я стала, как только он начал конфликтовать со своими замами и убеждать, что один и них нашей компании больше вредит, чем приносит пользы.

Через несколько часов температура спала. Но я не изменяю своего решения в отношении поездки, потому что уверена — она снова поднимется в ближайшее время. Неоправданный риск.

— Съездишь? — разговор дочери и мужа рядом с комнатой.

— Пап, не проси...

— Маш, пожалуйста, — отдаются с разговором.

Через несколько минут муж снова заходит с лекарствами.

— Как ты?

— Лучше.

— О чём ты с Машей говорил? Куда ей надо поехать?

— Это о маме моей.

— А что с ней?

— Как там, беда не приходит одна... — пытается отшутиться. — Её помощница сломала ногу. Но, если что, я Машу попросил к ней съездить, — предупреждает сразу, не позволяя мне возмутиться, что я не в курсе таких важных новостей.

— Больше никого не нашлось?

— Нет времени искать, поездка. А ты, Лин, раз дома останешься, поговори с ней, чтобы она молчала побольше. Продукты принесла, порядок навела, сделала, всё, что мама попросит, и молча ушла. Хорошо?

— Нет, — я совершенно точно не буду просить нашу дочь делать этого.

Тема поездки к матери мужа всегда для нашей семьи является камнем преткновения. Единственного, кого любит моя свекровь безоговорочно, — это своего сына. Остальных она воспринимает лишь как дополнение к нему и не стесняется этого скрывать.

Я за годы научилась относиться к этому с абсолютным

равнодушием, а вот дети мои воспринимают тяжело, не находя её поведению оправдания.

Отношения не складываются, а я не собираюсь их заставлять любить бабушку.

— Какие вы все... нетерпеливые, — хмурится. — Ты мать, и совершенно точно должна научить свою дочь терпению и уважению к старшему поколению! Как ни крути, она её бабушка.

— То же самое можно сказать и о твоей матери. Если у неё не хватает ума и того самого, как ты говоришь, терпения, чтобы придержать свой язык, чего ты ждёшь от двадцатилетней девушки? Не веди себя как неблагодарный человек, дочь пошла тебе навстречу. Наоборот, будь благодарен, но нет, ты ещё условия ставишь. Маме своей лучше скажи, чтобы она не тыкала её носом в плохо помытый пол или что там ещё ей причудится.

— Ладно, попробую. Но ты знаешь мою мать...

— Именно поэтому я не заставляю наших детей ездить к ней. С вещами справился, раз едешь завтра?

— А ты всё-таки обиделась на меня, что я решил ехать, — смотрит пристально.

— Честно, думала, отменишь поездку.

— Лин, ты со Светкой ездила два раза в тур по Волге, помнишь? Я тебя хоть раз упрекнул? Ты же тоже без меня поехала.

— Ты сам не захотел, — это сравнение возмущает возму-

щение.

— Но ты же поехала! Ладно, давай не будем ссориться. Извини, я просто очень напряжён. Чемодан не собран, какое-то странное волнительное состояние. Пойду вещи собирать, — чмокает меня в висок. А ты отлежись, по возможности, — киваю.

Именно этим я и собираюсь заняться ближайшие несколько дней.

Мне очень важно собраться с силами и подготовиться к поездке в Ростов-на-Дону. В этом городе наша обувная фабрика, точнее, основное производство, и именно там я бываю чаще всего последнее время.

Скоро будет создана новая коллекция женской обуви, и это событие занимает всё моё время и мысли.

Иду в душ, чтобы немного освежиться после того, как температура спала, а после, возвращаясь, становлюсь невольным свидетелем конфликта Аркадия с кем-то из нашей компании.

— Делай так, как я сказал! — рычит, едва сдерживаясь, чтобы не переходить на крик. Замечаю, его выдержка трещит по швам, в очередной раз обнажая его несдержанную натуру.

Замирает на мгновение, слушает (но не значит, слышит), пока кто-то из сотрудников пытается ему возражать. Закапывает глаза, словно размышляет, что разговаривает с оппонентом — идиотом.

— Ты вообще понимаешь, кто здесь главный? — опять он тыкает кого-то в свой служебный статус.

Злюсь. Мы много раз обсуждали, что наши сотрудники заслуживают уважения, но Аркадий забывает об этом всякий раз, если встречает какое-то сопротивление от своих замов.

Когда он предложил мне работать вместе, я не думала, что муж будет проявлять себя таким неожиданным образом, и теперь не знаю, как убедить его держать себя в руках, даже если он не согласен с чьим-то мнением.

Я очень устала от этих конфликтов и за закрытыми от посторонних глаз дверями мы с Аркадием договорились на год. Если он не сможет сработаться и дальше с людьми, то или он уходит с поста директора, или я увольняю его замов.

— Замолчи и слушай! — нет, это явно уже неделовой разговор. Опять он плюёт на правила профессионализма и нашего уговора.

Собираюсь прекратить эту перепалку, но муж делает это быстрее.

Заметив меня сам, не прощаясь с собеседником, сбрасывает звонок, и бросает телефон на диван.

— С кем ты так? — интересуюсь я, уже зная ответ.

— Да этот идиот опять мои решения оспаривает, — буркает он, нервно потирая лоб.

— Меркулов?

— Да.

Ну вот, я не ошиблась. Речь идёт о его вечном сопернике

— заместителе.

— Ты про новую коллекцию? — уточняю на всякий случай. Кивок подтверждает мои предположения. Вздыхаю. Опять... — Это было моё решение, Аркаш, и ты это знаешь. Но, почему-то вместо того, чтобы воевать со мной, ты воюешь с замом. Зачем?

— Я, если что, директор! Моё слово должно быть законом! Последним! Главным! — с осуждением повышает голос. — А ты должна меня поддерживать, какое бы я решение ни принял!

— Не ори, голова болит. Ты директор, да, только этот человек профессионал своего дела, он ради этой коллекции ездил на стажировку в Италию. А ты, по-моему, заигрался. Давай без обид, но ты даже половины не умеешь и не знаешь, того, что умеет и знает он. Мы несколько месяцев каждую деталь прорабатывали, и тебя в этих обсуждениях не было, напомню.

— Это не мои вопросы, — отмахивается.

— Вот и не лезь тогда, раз не твои. Пусть каждый занимается своим делом. Прекрати с ним ругаться. Зря ты так с ним. Он толковый мужик. Я не хочу таких специалистов терять только потому, что директор нашей компании не умеет держать себя в руках. Он вообще дизайнер и точно знает, что делает. Всё, Аркаш, я как оклемаюсь, сама с ним поговорю. Давай не будем портить тебе отпуск, езжай, куда собрался, и не вреди компании.

На работе подобные дебаты у нас случаются, но мы договорились с мужем не тащить рабочие вопросы в дом.

Сегодня мы нарушили наш договор. Только я совершенно точно не хочу, чтобы у нас теперь так случалось постоянно.

Глава 3

АРКАДИЙ

Холодная и мрачная зима осталась позади, а вместо него передо мной этот потрясающий райский, шикарный, курортный остров.

Ещё у трапа самолёта в России я дал себе твёрдое обещание забыть обо всём, что каждый день уничтожает мои нервные клетки.

Ни одной мысли о работе, проблемах и прочей ерунде.

Только отдых и наслаждение каждым моментом и ничего более.

Я заслужил! Я заработал! Имею право! Тем более, мне повезло, вирус, кажется, не зацепил меня.

Глубоко вдыхаю солёный морской воздух, чувствуя, как напряжение последних месяцев постепенно покидает тело.

У всего, что окружает меня в эту минуту, вид потрясающий!

Море совсем недалеко от нашего домика, видно, как волны мягко играют с песчаным берегом, оставляя за собой белоснежную пену.

Выхожу из номера и сразу чувствую, как мои пятки обжигает ласковый песок. На мгновение закрываю глаза и улыбаюсь. Раскидываю руки навстречу солнцу, и кажется, что оно улыбается мне в ответ.

Присаживаюсь и набираю его в ладони. Пересыпаю из одной руки в другую. Я словно ребёнок играю с ним и не могу оторваться.

Зачерпнув горсть песчинок, наблюдаю за тем, как он медленно стекает с моих рук. Эти действия напоминают медитацию и релакс. Вроде такое простое, но такое умиротворяющее занятие.

Как давно я не чувствовал такого спокойствия внутри, как в эту минуту?

— Смотри, какое небо, — комментирую съёмку для супруги и поднимаю камеру вверх. Мне хочется поделиться с ней впечатлениями. — Оно словно бескрайнее... Кажется, словно сливается с горизонтом...

Лина тоже в восторге, но не так, как я, естественно.

Конечно, чувство вины немного мучит, но, откровенно говоря, я всё-таки верил и надеялся, что она поймёт моё желание съездить и отдохнуть, пусть даже без неё.

Конечно, она должна была быть со мной, но судьба распорядилась иначе.

Чтобы, как обещал, поделиться с ней впечатлениями от отдыха, я несколько раз, пока открывал для себя что-то новое, обязательно делал видео и фото для жены. Потом это, естественно, мне наскучило, и я решил, что остальное покажу позднее, когда вернусь домой.

Следующие дни пролетели как один.

Как и планировал, основные дни я провёл словно тюлень.

Под солнцем.

Днём грелся на горячем песке, чередуя его с тёплым морем, а вечерами снимал стресс за бокалом коньяка или бренди.

И вот мне снова нужно возвращаться к рутине, делам, повседневности.

«Скоро буду дома, с вами. Вот и закончилось райское наслаждение» — со странной грустью пишу жене смс.

Она отвечает улыбочивым смайлом.

— Уважаемые пассажиры, — вещает в микрофон девушка в аэропорту, — вылет до Санкт-Петербурга задерживается. Ориентировочная задержка вылета составляет три часа.

Эти слова застают меня врасплох. Задержка рейса? Три часа? Это значит, что мне ещё торчать в этом проклятом аэропорту?

Нарастающее раздражение начинает вытеснять остатки отпускного настроения.

— Ведь всё шло так идеально: солнце, море, расслабление, но обязательно ложка дёгтя неизбежно закинется в бочку с мёдом, — возмущаюсь вслух. Оглядываюсь вокруг. Надо найти чем заняться эти три часа.

Направляюсь к ближайшему кафе, заказываю кофе и беру журнал.

Полистав, отбрасываю в сторону. Ничего интересного.

Погуляв глазами по красивым девушкам и женщинам, не забыв и о своей красоте жене, даже не заметил, как к моему

столику приблизились две девушки.

— Извините, здесь не занято? — ласкает мой слух нежный голосок. Хочу сказать, что нет, но, когда поднимаю глаза к подошедшим, застываю.

Передо мной стоит молоденькая красавица с длинными белокурыми волосами, загорелой и гладкой кожей, практически идеальными чертами лица и фигурой.

Короткие шорты открывают стройность и длину её шикарных ног. Такой же топ открывает для моего взора красоту её шикарной упругой груди.

Мои глаза бегают от одной части тела к другой, но, когда я понимаю, что она это видит, смущённо отворачиваю лицо.

Чувствую себя, словно мне снова восемнадцать, и я впервые увидел идеал своей красоты.

— Извините... — повторяет. Голос льётся как ручеёк, журча, но теперь уже говорит тише, словно стесняется. Теряет ручку своей сумки и вроде как хочет уйти. — Просто... всё занято, — оглядывается по сторонам своими светлыми глазами, — негде присесть, вот мы и попросились к вам. Но если мы вас отвлекаем или вы хотите побыть один, то...

— Нет, нет, конечно, присаживайтесь. Я задумался и не сразу понял, что вы хотите присесть на свободные места, — показываю на соседние кресла и, наконец, выдавливаю из себя, стараясь не выдать своё замешательство.

— Спасибо, — девушка благодарно улыбается и аккуратно опускается на соседнее кресло. Закидывает ногу на ногу,

и я снова прилипаю своим взглядом к её телу.

Подруга, которая подошла вместе с ней на фоне этой звёздочки кажется мне серой массой. Не так эффектна, не так красива, не так стройна. А от этой глаз не оторвать!

Она также садится на соседнее кресло, бросает на меня быстрый, но заинтересованный взгляд и обращается к той, что спросила о свободных местах.

Девушки начинают о чём-то оживлённо болтать, смеясь над какими-то общими впечатлениями, а я притворяюсь, что не слушаю и поглощён журналом, который машинально взял обратно в руки.

Только мои глаза, словно живя своей жизнью, снова и снова возвращаются к девушке.

Буквы в журнале скачут, мысли в голове тоже, но одна больше других повторяется: как прекрасна эта незнакомка.

Несколько минут проходят в нашем молчании.

— У вас тоже рейс задержали? — вдруг отвлекается от подруги, с которой только что болтала, и неожиданно сама заводит со мной разговор.

— Да, — отвечаю я, пытаюсь собраться с мыслями.

— Вот и у нас, — вздыхает, и грудь её соблазнительно приподнимается за её вздохом. А я глазами в этой соблазнительной ложбинке.

— Девушки, а вы, случайно, не из Питера? — догадываюсь, что мы, скорее всего, летим в одну сторону.

Смотрят на меня обе удивлённо, хлопая глазами с наро-

ценными ресницами.

— Да, а вы откуда знаете?

— Ну, потому что я так же, как и вы задержан здесь на три часа, и тоже жду вылета в Питер, — улыбаюсь добродушно, и они отвечают на мою улыбку.

— На самом деле, у нас такая ситуация впервые! — признаётся возмущённо, бросив взгляд на свою подругу, чтобы та, вероятно, подтвердила слова этой красотки. — Хотя мы часто летаем сюда, — добавляет она, улыбаясь мне широко. Пялюсь на её губы теперь. Пухлые, притягательные, с нанесённым нежным блеском, который хочется облизать. — Нам очень нравится отдыхать здесь! Согласитесь, что здесь какая-то особенная, своя, необъяснимая, но такая манящая атмосфера... — смотрит на меня пристально, чтобы я, вероятно, теперь покивал. — Её сложно описать словами, её можно только чувствовать, — прикладывает к груди руки, закатывает свои светлые глаза.

Она говорит, и её слова напоминают мне рассказы нашего туроператора, когда мы с Линой выбирали путёвку.

Стоп, Аркаш! Ты ведь женат! Пытаюсь в голове эту красоту заглушить образом своей жены, но у меня ничего не выходит.

Лина... Моя жена... Я даже забыл о ней, мысленно пускаю слюни на эту малышку.

Глава 4

— Согласен, — киваю я, погружённый в воспоминания о днях, проведённых в одиночестве на этом острове. — Эти места действительно невероятно красивы. Честно говоря, я даже не ожидал, что они окажутся настолько потрясающими. Давно я так не отдыхал.

В общении с новой знакомой время теперь летит очень быстро. И я уже не смотрю на табло, ожидая вылета, и не сверяю его данные с часами.

Девушки оказались очень общительными и дружелюбными. Они рассказывали о своих путешествиях, о любимых местах отдыха, о том, как предпочитают проводить время на пляже и когда планируют снова вернуться сюда.

И вот мы уже, совершенно забыв о рейсе, смеёмся над какими-то историями, делимся впечатлениями о разных странах и городах.

Сообщение, отправленное водителю о задержке рейса, до сих пор не прочитано. Приходится писать жене.

«Буду на три часа позже. Рейс задерживают. Пусть Лёха приезжает позже или стоит, ждёт» — быстро печатаю сообщение.

Пока мы болтаем с Оксаной и её подружкой, Лина присылает мне какие-то документы, напоминая, что пора возвращаться в рабочий процесс, а я не могу и не хочу ни на чём

и ни на ком сосредотачиваться в этот момент, кроме этой красивой дивы.

Наконец, спустя почти четыре часа, объявление меняется. Наш рейс объявлен на посадку. Собираю свои вещи и присоединяюсь к толпе пассажиров, спешащих к трапу самолёта.

Внутри меня между собой в борьбе совесть и физическое желание. Одна напоминает мне о жене, второе хочет снова в будущем увидеть это девушку.

Досада от расставания с Оксаной перевешивает другие эмоции и затмевают здравое суждение.

— А какое у вас место? — спрашивает меня, неожиданно уже оказавшись рядом со мной. Я на автомате забираю у неё чемодан, словно хочу выглядеть джентльменом, а она благодарно кивает.

— 30А.

— М-м-м. Надо же! — она на самом деле удивлена, — а у меня 30В! А у Сони 30Б. Хотите, мы с ней поменяемся и будем сидеть рядом? — даже ответить не успеваю, когда она всё решает за свою безликую подружку Соню. — Вот и подумать теперь надо: а может — это судьба? — кокетливо смотрит на меня и прикусывает манящие губы.

Невольно я и сам в этот момент про судьбу думаю. Она меня испытывает, а я и сам испытываться рад. Чего уж выкручиваться при очевидном!

— Поболтаем, пока летим?

— Конечно. Почему нет?

— Нам с вами почти восемь часов быть вместе. Ночь... целая ночь, представляете!

— Да.

И вот мы уже рассказываем друг другу истории детства, юности, она рассказывает мне о своём отце, тоже, кстати, предпринимателе.

— Перейдём на «ты»? — предлагает, расположившись рядом.

— Да, давай. С удовольствием, — ну да, зачем нам эти ненужные и сомнительные барьеры в общении.

— Расскажешь о себе немного? А то я всё о себе и о себе! Скажешь, балаболка какая-то, — залиvisto смеётся над собой, намекая, что с самоиронией у неё всё в порядке. — Чем ты занимаешься, какие у тебя интересы в жизни?

— У нас своё дело, — неожиданно, по привычке больше говорю «у нас». — Я директор компании по производству обуви, — а произвести на неё впечатление всё-таки хочется... — Сейчас это довольно большая фабрика, и есть даже представительства в паре городов. Вот как раз поеду в Ростов — на — Дону на днях.

— У нас? — сразу же её первый вопрос на моё хвастовство перед ней.

— А, да, у нас... с женой, — смущаясь неожиданно, словно мне становится стыдно за этот факт.

Всё это время я практически не вспоминал Лину. Моя совесть где-то дремала на задворках сознания и не беспокоила

совсем. Физическое желание отправило её в самый дальний угол и велело не высовываться.

Хотя, с другой стороны, я ведь не делал ничего предосудительного и запретного. Просто общался с красивой девушкой. Разве это возможно приравнять к измене? Совершенно точно нет.

— Ясно... — протягивает как-то задумчиво и вроде как даже разочарована после слов «у нас». — И как вам на месте директора быть? Тяжело? — нет, продолжила общение.

— Всякое бывает. Трудности разные случаются, не без этого. Иногда, конечно, приходится принимать сложные решения, работать допоздна, решать проблемы с поставщиками материала или клиентами. Но зато есть возможность видеть результаты своего труда, понимать, что делаешь что-то полезное. Когда видишь людей, идущих в обуви твоего бренда — это что-то непередаваемое! А если это ещё и женская ножка... вообще испытываешь ... эстетическое удовольствие.

— Как же интересно! — восхищается мной.

Неожиданно она начинает задавать вопросы про бизнес, интересуясь подробностями ведения дел, документов.

Всё, что я отвечаю, она внимательно слушает.

— Неужели тебе на самом деле интересно? — всё-таки не удержавшись, спрашиваю её.

— Ну да. Но здесь свой, как говорится — «шкурный интерес», — неожиданное признание... — Я, почему спрашиваю

тебя, — говорит протяжно и неожиданно достаёт чупа-чупс. Ох, зря ты это делаешь, нимфа... Чувствую, как в штанах становится неимоверно тесно и неосознанно начинаю ёрзать в кресле, — у меня папа... ушёл... туда, — показывает палец вверх, — и завещал мне много денег. Куда их деть, — то вынимает изо рта конфету, то засовывает обратно, присасывая её губами, а я не могу спокойно смотреть на это, отворачиваюсь, — ума не приложу! Я никогда не работала ещё, а сейчас вдруг, послушав тебя, как ты рассказываешь о своих впечатлениях, о результате... Ну там, про красивые ножки, удовольствие... какое там... физическое.

— Нет, эстетическое, — хотя и это тоже.

— Да, да, оно, то самое! Короче, я поняла, что хочу чем-нибудь заняться! В конце концов, хватит дурака валять и жизнь прожигать. Пора взрослеть. Папа всегда об этом мечтал. Как ты, примерно, хочу! Создавать что-то новое, красивое, такое, чего ещё нет!

— Ну, в этой жизни нет ничего невозможного! — пытаюсь поддержать её. — Главное, желание, стремление, кое-какие знания и деньги. Работа даёт смысл и цель, а без неё жизнь пуста! — умничаю, выражаясь высокопарными словами, теперь уже просто выпендриваясь. Потому мне так нравится, как она на меня смотрит и восхищается мной! Линка на меня так никогда не смотрит и никогда так не восхищается.

— Это всё у меня есть: и желание, и стремление, и деньги.

— Тогда отлично. Но... Кто же меня научит. Учителя и

наставника нет.

— Я мог бы помочь! — даже не подумав, говорю, не сомневаясь, — у меня опыт огромный! Как-никак я давно директор в своей компании, и совершенно точно смогу поделиться знаниями.

— Правда?! Это было бы просто шикарно! Я, кстати, мечтаю создать свою линию одежды!

— Ну, ещё проще! Думаю, принцип один и тот же, как и с нашей, обувной! Ну, с моей, — сразу себя поправляю. — Вряд ли слишком большие отличия будут, — а вот в это верю сам.

Оксана расплывается в улыбке и протягивает мне руку с тонкими загорелыми пальчиками.

— Договорились! С меня финансы, с тебя опыт и поддержка. Моральная, — естественно, — сразу поправляет себя. — А ещё я, в таком случае приглашаю тебя на ужин.

— Нет, поужинать с тобой я не смогу. — Вижу, как теряется. — Дел очень много. А вот пообедать без проблем.

— А, да, забыла, семья, все дела. Жена ревновать будет.

— Лина не ревнивая, — зачем-то говорю это вслух.

— А дети? Кстати, дети, как, есть?

— Да, двое. Но они уже взрослые, практически самостоятельные.

— То есть им уже больше восемнадцати лет?

— Да, сыну уже двадцать три, а дочери двадцать.

— У-у-у, — протягивает игриво, — не думала, что у тебя

такие взрослые дети! Ты выглядишь очень молодо! — проходит глазами по моей фигуре. А у меня там, где она глазами прошла, бегут роем мурашки и возбуждение одновременно.

Когда самолёт приземлился, мы вышли из него вместе, продолжая разговаривать. Как избавиться от Оксаны в этот момент, я не знал. Попрощаться так скоро, значит обидеть, а не хочется.

А даже если нас водитель увидит, не плевать ли? Мало ли с кем я могу болтать, — успокаиваю сам себя.

— Ну вот и пришли, — останавливается Оксана возле выхода из аэропорта. — Очень рада знакомству. Было здорово провести с тобой время. Ты шикарный мужчина, Аркадий.

— Да, мне тоже, — отвечаю, чувствуя, как сердце колотится в моей груди и вот-вот выпрыгнет, когда я замечая, что недалеко совсем вместо Алексея стоит моя жена и ждёт меня.

— Надеюсь, ещё увидимся. Ты обещал! — подмигивает мне.

— Да, да, конечно. Пока.

— Аркадий, — слышу родной голос за своей спиной.

Глава 5

АНГЕЛИНА

На выходе из аэропорта он стоял не один.

Вульгарно одетая девица, не скрывая, строила ему глазки, а Аркадий смотрел на неё с восхищением и в то же время нервозностью.

Нервозность, полагаю, предназначалась мне.

Растеряться бы мне, заревновать, вспомнив про наше прошлое, но... у меня иммунитет на подобные чувства. Я давно уже спокойно отношусь к таким вещам, потому что она не первая, кто так откровенно клеится к нему.

У него за версту видно, что он мужчина с деньгами, а у неё на лбу написано светящимися буквами: «Ищу папика».

Ревновать, на мой взгляд, а особенно с таким, как эта, которая хихикает, закатывает глазки и манерно делает бровки домиком — ниже моего достоинства.

Это всё равно, что ревновать к кукле надувной. Разница только что, у куклы нет мозга, а у этой есть. Правда, насколько хорошо он функционирует, не знаю.

Возможно, заточен только в одном направлении: того самого папика найти.

Вспомнив про ревность, следом вспоминаю, как на днях ко мне приехала моя любимая сестрица.

Я сидела с документами, уже позволяя себе пару часов за-

ниматься рабочими вопросами, когда она явилась с допросом.

Иногда думаю, что я совершила ошибку, когда согласилась на предложение мужа работать вместе, но тогда я была уверена: наш сын Игнат после завершения учёбы также к нам придёт работать.

И будет у нас, не считая студентки дочери, настоящая сплочённая команда, где все будут помогать друг другу и поддерживать.

К сожалению, не сложилось, но посмотрим, что будет дальше.

Главное, прекратить конфликты. Уверена, Аркадий и сам не захочет их, если они уже уйдут в нашу с ним семью.

Он иногда заносчив, но, когда успокаивается всегда становится разумным и начинает слышать оппонента.

Кстати, на удивление, и недовольство моего мужа, пока Аркадий прохлаждался на пляже, а я лежала с температурой, именно его заместитель, с которым он воюет словно на поле битвы, взял на себя все обязанности по решению неотложных вопросов.

Один ноль в пользу зама...

О чём я только что думала... А да, о сестрице своей. Вспоминаю как она днях влетела не стучась в нашу спальню.

— Привет дохликам! — растягивает рот в ласковой улыбке.

— Привет.

— Слушай, я ведь не поверила, когда Машке звонила, что ты дома осталась, а муженёк твой улетел отдыхать, — Света сразу о главном, без церемоний.

— И ты прискакала спросить меня об этом... — улыбаюсь.

— Конечно, прискакала! Да я, когда тебя услышала, в такое даже поверить не смогла! — крутит у виска, намекая на мои умственные способности. — Аркадию набирала, думала, вы решили подшутить надо мной, но он тоже, зараза, трубку не берёт!

Моя сестра — это просто взрыв искренних эмоций, настоящий ураган, который сметает всё на своём пути, где бы он ни появился.

Иногда её характер и язык без костей действительно выводят меня из себя, но, несмотря на её недостатки, я безумно её люблю.

Её жизненный оптимизм — это нечто невероятное! Даже в самых трудных ситуациях она всегда находит положительные моменты в любом, даже самом сложном случае, и убеждает всех вокруг, что всё будет хорошо.

А её пофигизм — тоже отдельная история... Иногда я ему завидую, а иногда он доводит меня до белого каления.

Я совсем другая. Более прагматичная, расчётливая, уравновешенная.

Возможно, поэтому мы так хорошо ладим. Ведь когда она летит навстречу приключениям и неприятностям, я остаюсь

на земле, хватаю её за ноги и тяну вниз.

А когда я слишком заморачиваюсь в своих мыслях, она напоминает мне, что нужно относиться ко всему проще и, возможно, ситуация решится сама собой.

Надо сказать, именно она помогла мне взглянуть на мою историю иначе тогда, когда Аркадий изменил мне десять лет назад.

Нет, я не рыдала в подушку ночами после нашего расставания, не искала повод ругать себя и искать причины, почему он так поступил, но в те моменты, когда дети «кисли от разлуки с папой», а я страдала, глядя на них, она появлялась, заставляла нас жить, улыбаться и двигаться дальше.

... — Я болела, болтать не могла. Он улетел, но обещал вернуться, — пытаюсь шутить. — Всё, в принципе, и рассказать-то тебе больше нечего, — развожу руками.

— Погоди, — встаёт с кресла и подходит ко мне. Наклоняется и смотрит в глаза, словно ищет в них что-то.

— Свет...

— Я просто хотела сейчас удостовериться, что ты не потеряла в болезни остатки разума. Взгляд, вроде адекватен. Не затуманен... интеллект замечен. Ты же, моя любимая сестрица не свихнулась окончательно, правда?

— Нет, не переживай.

— Нет, и всё-таки я не понимаю, как ты могла отпустить своего мужа одного в такую поездку? — не унимается. — Ты хоть представляешь, что там может произойти? Его мо-

гут увести! — последнее слово она произносит с таким выражением, будто говорит о самом страшном событии, которое может случиться в моей жизни.

— Свет, послушай, — начинаю аккуратно, стараясь говорить мягко, но уверенно. — Всё в порядке, всё нормально. Мы взрослые люди, и у нас есть полное доверие друг к другу. Кроме того, мы с тобой отдыхали, помнишь, а он нет, — вспоминаю неожиданные упрёки в мой адрес от мужа перед его поездкой и зачем-то привожу как аргумент.

— Но...

— Я знаю, всё, что ты хочешь мне сказать, — поднимаю предупредительно руку, не позволяя ей закончить. — Да, у нас уже случалось подобное событие, но я доверяю ему сейчас, и это главное.

Только Светка будет не Светка, если за ней не останется последнее слово.

— Вот именно — было! И ты серьёзно думаешь, что, пройдя тот путь — это решение хорошая идея? Сейчас в наше время никто из адекватных женщин не отпускает своих мужчин одних куда бы то ни было! Даже за хлебом в супермаркет! Даже на рыбалку! И уж тем более, туда, где столько соблазнов вокруг! Уведут ведь в два счёта! Снова! Лина, твой Аркадий должен был остаться рядом, ухаживать за тобой, а не в тёплые страны сваливать!

— Он сам выбрал поездку.

— Обалдеть! И ты так спокойно к этому отнеслась?

— А что я должна была сделать? За ноги его схватить и держать?

— Да, держать! Случись со мной такое, я никогда бы не позволила своему мужу уехать одному! Если бы нельзя было сдать билеты, ползком бы поползла на эти Гоа, но одного не отпустила! Знаешь сколько там красивых девок с открытыми телами, с двумя верёвочками вместо трусов, и тоненькими тряпочками в один сантиметр вместо лифчика на груди? Он на них только взглянет, забудет, что у него жена есть!

— Такие и на пляже есть. Слушай, не нагнетай, а. У нас вопрос верности давно закрыт, и Аркадий пока держит слово.

— Серьёзно? Прямо веришь ему? Но почему?!

— Потому что он знает: если подобное случится снова, никакие уговоры и разговоры не помогут. А на счёт отпустить или нет, здесь ещё проще: если свинья захочет грязь найти, она везде её найдёт.

— Пусть так, только ты сама ему помогаешь найти эту грязь сейчас!

— Плевать.

— Почему? Или ты настолько в себе уверена теперь, что не боишься этого?

— Свет, я хочу быть уверена в нём прежде всего. Такой мой ответ тебе устроит? — я на самом деле именно так и рассуждаю и не хочу по-другому. — Потому что если ходить и оглаживаться, это не жизнь.

— Ты непробиваемая...

— Свет, прекращай, а то поссоримся.

— Я хотела предотвратить катастрофу! — говорит тише мне в ответ.

— Спасибо, катастрофы не случится. Можешь выдохнуть и отправляться домой.

В тот момент, когда она пристально смотрит на меня, посылаю ей лёгкий воздушный поцелуй и улыбаюсь, желая разрядить обстановку.

Она едва заметно хмурится, но больше не спорит.

Светка знает, что я могу слушать её часами, но, чтобы она не говорила, у меня всегда есть своё мнение. И когда оно сложилось, переубедить меня в обратном практически невозможно.

С тех пор как я приняла мужа обратно домой после измены, я поменяла своё отношение к таким вещам. Свою жизнь я привела к абсолютному спокойствию в этом вопросе, потому что, если постоянно возвращаться на десять лет назад и ждать, когда подобное случится с нами снова, можно сойти с ума.

Но дело даже ведь не в этом. Для себя я давно поняла главное: Аркадий совершенно точно не захочет променять свой комфорт и богатую жизнь на попрошайку с надутыми губами.

Ну а если захочет, я даже сама помогу ему собраться.

Глава 6

СПУСТЯ ПАРУ ДНЕЙ.

С девицей той обменявшись парой вежливых фраз, они довольно быстро распрощались. Она окинула меня оценивающим взглядом и натянуто улыбнулась.

Когда муж устроился рядом со мной в машине, он вдруг заговорил о ней сам. Мне даже спрашивать не понадобилось.

Оказывается, они познакомились, когда их рейс задержали в аэропорту при возвращении домой.

— Мы просто болтали обо всём подряд: о Гоа, об отдыхе...

Я слушала в половину уха, машинально кивая. На тот момент мне действительно было всё равно, что он там болтает, потому что работы пока он катался на Гоа, а я болела, накопилась целая гора.

Поэтому я легко перевела тему разговора на что-то другое.

Но проблемы же, как правило, нередко приходят поодиночке?

Не успел муж вернуться домой, как он внезапно спустя два дня заболел.

Дела рабочие не проблема, я привыкла в прошлом основную часть вопросов решать сама.

Был более глобальный и принципиальный вопрос: кто по-

едет к его матери?

Этот визит был чем-то вроде священного ритуала, который Аркадий не мог, да и не имел права пропустить.

Каждую неделю он обязательно навещает свою маму, чтобы убедиться, что она здорова и ничего ей не нужно.

Но сейчас он лежал дома с температурой, а Машу я просить не смела, ведь она ездила в прошлый раз.

— Что делать будем?

— Лина, прошу, съезди к ней сама. Так сложилось сегодня, что я не смог, — оправдывается, вынимая градусник, — сама посмотри, — протягивает, — почти тридцать семь и девять!

— Аркаш, лимит моего терпения в общении с твоей мамой давно исчерпан, не уговаривай, — кручу отрицательно головой.

— Линка, у неё лекарство от давления кончилось. В прошлый раз Машка забыла ей его привезти. Надо! Кровь из носа как надо! Давай не будем рисковать, прошу. Сляжет, вообще тогда работать не смогу. А у нас сделка на носу важная.

Выхожу из комнаты, желая закончить этот разговор, но он идёт за мной практически по пятам.

— Лекарства через приложения можно заказать. Еду тоже.

— А уборка!?

— Клининг.

— Она не пустит клининг! Ты забыла, как она прошлую

помощницу в воровстве обвинила и сколько я таскался из-за этого в полицию. Лин, съезди, ну что тебе стоит?

— Это мне стоит собственных нервов, Аркаш. Максимум, что я могу тебе предложить, если на то пошло: я оставлю всё возле порога квартиры и уйду, — иду на уступки мужу.

На самом деле в одном он прав: сейчас, когда сделка не за горами, не желательно, чтобы он отвлекался на её болячки.

— Пожалуйста, просто съезди за меня. Я согласен, чтобы ты сделала, как только что предложила. Не надо с ней ни встречаться, ни общаться. Всё на твоих условиях!

— Ладно, скинь список, что ей нужно.

— Спасибо! Алло, мам! — звонит сразу же, не выживая и минуты. — Я заболел... Я не смогу приехать к себе. Так сложилось, прости.

— Не можешь сам, пусть кто-то из семьи едет. Мне лекарства нужны. А ты везёшь уже неделю.

— Давай помощник мой приедет с работы? — неожиданно выдаёт предложение, поглядывая в мою сторону, всё-таки вероятно желая меня спасти от общения с ней.

Повисает молчание, и у моего мужа появляется шанс, что она согласится.

— Я не впущу в дом незнакомцев! Аркадий, — голос све-крови становится строг и агрессивен.

Вижу, как Аркаша сжимает трубку в руках, губы становятся единой тонкой ниточкой в злости, но он сдерживается, чтобы ничего не сказать ей в ответ. Потому что, если скажет,

потом будет разгребать ещё не один месяц недовольство и упрёки матери.

— Мам, некому. Твоя помощница сломала ногу, я заболел. Социальную помощь предложил тебе, но такой вариант тебя не устраивает. Надо договариваться как-то. Хочешь, с соцработниками договорюсь. К ним у тебя доверия больше?

— Ты что, хочешь совсем застыдить меня перед соседями? — неожиданно переходит практически на визг. — Ещё не хватало, чтобы социальные службы за мной ухаживали! У меня есть сын, невестка, внуки, наконец!

— Вот! — прерывает её, практически истерику Аркадий. — Невестка как раз согласна приехать. — Улыбаюсь. Выкрутился.

На той стороне телефона повисает молчание.

— Ангелина? — зачем-то переспрашивает, словно у неё есть ещё невестки и можно выбрать, какая приедет.

— Ну!

Снова повисает молчание.

На самом деле эти разговоры между матерью и сыном необходимы и мне в том числе. Как пример. Я давно уже решила, что, глядя на неё, я учусь, как делать не надо!

Для меня своеобразный урок как нельзя общаться с собственным сыном и взращивать в нём эго.

Даже мысль, что однажды я могу стать похожей на неё, заставляет меня содрогнуться.

Страшно представить, что мои дети будут испытывать те

же чувства, которые испытывает мой муж, сталкиваясь с её манипуляциями и давлением.

Не могу ответить точно, что это: просто старческий эгоизм или что-то другое?

Он ничего ей особо на это не говорит, но совершенно точно ему тяжело. В любом случае, мы договорились, что в истории их отношений я не участвую.

Десять лет назад наша жизнь изменилась. До этого момента наши отношения с матерью Аркадия были вполне нейтральными.

Мы уважительно общались друг с другом, соблюдая границы и поддерживая баланс. Но потом случилось нечто, что перевернуло мою жизнь вверх дном.

Впервые я столкнулась с предательством близкого человека, её, кстати, сына, и мне нужна была поддержка. Моральная поддержка, ничего больше.

Тогда я словно искала для своих детей утешения где угодно, лишь бы им стало легче от расставания с отцом.

Однако вместо ожидаемой помощи я услышала лишь упрёк. Это стало шоком для меня. В тот момент я почувствовала себя преданной дважды: сначала мужем, а затем его матерью. С тех пор наше общение изменилось навсегда.

— Все мужики - кобели... — рассуждала она спокойно, — а ты... ты должна была быть умнее. Ты же женщина! А где умение сохранять огонь в домашнем очаге, где ум завлечь, привлечь, обаять собственного мужа? Нос по ветру надо бы-

ло держать, и следить за ним! Тогда бы бабы другой не было! А дети... О сыне и дочери ты подумала?! Где жалость к детям, которые будут расти без отца? — она пилила меня и не трогала его. — Машка так к нему привязана! Посмотри на ребёнка своего, она же сникла вся от расставания с отцом.

То есть я должна была в тот момент думать о детях, а не он...

Обычно я выдержанный человек, но тогда мы сильно с ней поругались, наговорив друг другу множество обидных слов, и прекратили всякое общение, даже ради наших общих внуков.

Со временем, даже несмотря на то, что мы с её сыном постепенно восстановили наши отношения и он снова жил с нами, я так и не смогла забыть и простить те слова, сказанные свекровью.

Я всячески избегала её дома, не заставляла детей общаться с бабушкой и мысленно вычеркнула её из списка близких людей.

Сначала мой муж надеялся, что со временем мы наладим контакт, но не случилось.

Иногда мне кажется, что ей так даже удобнее. Она словно на подсосе денежном от него, а я не мешаю, потому что не вижу, как она клянчит деньги.

Я давно поняла, что она гордая, но... ровно до того момента, пока не заходит разговор о деньгах и спонсировании её жизни.

А жить за эти годы она привыкла хорошо.

Самое удивительное в этой ситуации заключалось в том, что свекровь ни разу не пыталась извиниться за своё поведение.

Я допускала мысль, что в тот момент, когда мы расстались с её сыном, она тоже переживала из-за нашего разрыва, но после всего произошедшего она могла признаться, что говорила сгоряча. Однако она продолжала стоять на своём, утверждая, что всё зависит только от женщины.

Аркадий дал мне слово, что я не буду заниматься вопросами его матери, и, в целом держал его. Он всегда ездил к ней сам. Не пропустил ни одной пятницы.

Кроме сегодняшнего дня...

— Всё, договорился, — выдыхает муж, заканчивая разговор, когда я возвращаюсь в комнату уже одетая и накрашенная. — Потерпи, любимая, — целует меня в щёку, забывая о своих тридцати семи и девяти. — Сделай, как считаешь нужным. Я благодарен тебе за твоё понимание.

Подъехав к её дому, выхожу из машины и пока вынимаю пакеты с продуктами и лекарствами из багажника, спиной чувствую, как кто-то смотрит на меня.

Машинально поднимаю глаза к окнам третьего этажа, где живёт свекровь, и замечаю её, наблюдающую за мной.

Считаю до десяти, прежде чем подняться, напоминая себе, что моя задача — поставить пакеты и уйти.

Не успев подойти к двери, слышу, как открывается замок.

— Явилась...

— Здравствуйте.

— Как Аркадий? — тянет меня за рукав одежды в дом.

— Зайди и Расскажи о сыне, — теперь уже в привычном для себя тоне.

— Так вы же сами всё знаете. Заболел, — иду на уступки и вхожу в квартиру.

— Замотала ты моего сына, замучила, — вздыхает тяжело. — Вообще, не представляю, как он выдерживает всё это.

— Живёт и мучается, что тут ещё можно сказать... — зачем-то говорю это с сарказмом, но затем одёргиваю себя. Есть вероятность нарваться на конфликт спустя почти десять лет молчания. — Я купила вам всё из продуктов, что вы просили. Что-то ещё? — Начинаю быстро выкладывать продукты на стол. Хочу только одного — убратсья отсюда подальше, вырваться из этой удушающей атмосферы. Этот дом буквально давит на меня своей тяжестью, хотя я понимаю, что это всё только в моей голове, не более.

Она подходит к шкафу, молча вынимает с полки лупу и начинает изучать состав продуктов. При условии, что я покупала всё по её списку, ту марку, которую она заказала, особенно интересны её потуги найти причину, чтобы прицепиться ко мне и затеять скандал.

— Ничего!

— Вот и славно. Счастливо оставаться, — не жду её ответного прощания.

Выхожу из подъезда, сажусь в машину и отправляю сообщение Аркадию:

«Всё, Аркаш, я сделала, что обещала. На ближайшие несколько лет, надеюсь, моего участия в жизни твоей матери больше не понадобится».

— Лина, — перезванивает мне. Голос его неожиданно взволнованный и нервный. — Я пока отлёживаюсь, пробежался по документам тех товарищей, с которыми мы хотим сделку заключить, и есть у меня чёткое подозрение, что там не всё чисто. Надо поднимать службу безопасности.

— Поняла. Сейчас приеду к тебе.

Глава 7

Я нашёл пару моментов в документах потенциальных партнёров по будущей сделке, за которые можно зацепиться и отвлечь внимание жены и службы безопасности от себя на пару недель.

А они мне очень необходимы! Оксана звонит и пишет каждый день, а я выкручиваюсь, оправдываюсь, не имея возможности с ней встретиться.

Лина никогда не следила за мной, это не в её характере, я знаю.

Но сейчас как-то беспокойно на душе. Она видела меня с Оксаной в аэропорту, мало ли, не поверила, что я был один и решила именно сейчас проследить за мной.

Теперь, в данный момент я точно знаю, что могу быть спокоен и назначить ей встречу.

Поскольку сделка сулит серьёзный контракт, Лина вместе с начальником службы безопасности и его ребятами сосредоточатся на нём и не будут отвлекаться на меня.

Всё-таки мой опыт в финансовых вопросах не раз выручал меня. И нашу компанию, кстати, тоже.

Лина очень уважает моё умение увидеть мелочи в документах, которые никто не видит, и предотвратить то, что некоторые не способны предотвратить.

Именно сейчас я воспользуюсь представленной возмож-

ностью и определяюсь по всем вопросам, касаемо отношений с Оксаной.

Хоть я и хочу этой встречи, всё равно нервничаю, размышляя, стоит ли мне вообще идти на такой риск?

Но вот я уже вижу её, плывущую мне навстречу... Ох, как же она всё-таки прекрасна!

Начав разговор, чувствую — она обижена на меня. Ясно почему.

Но у меня были причины, я смогу объяснить.

Она упрекает за то, что я пообещал ей помощь в открытии дела, а потом просто исчез. Она кидает претензии, надув сочные и манящие губы, а я вдруг чувствую неожиданную волну стыда перед ней.

Честно, не понимаю, сам, что со мной происходит последнее время.

Несмотря на то, что я был уверен, что не буду больше изменять Лине, и держался десять лет, теперь я плюю на всё и даже не пытаюсь сопротивляться этому чувству.

Сейчас я знаю одно: я хочу её как юнец и точка.

Но для начала мне надо понять, обманула она меня, что богата и хочет моих денег, или всё-таки нет.

От этого зависит очень многое.

— Ну ты всё поняла? — интересуюсь я, стараясь сосредоточиться на разговоре, но взгляд невольно скользит к её соблазнительному декольте.

Мы снова сидим друг напротив друга за столиком уютного

ресторана, и я пытаюсь сосредоточиться на деле.

— Ну-у-у... примерно... да, поняла. Но не всё! — наматывает игриво прядь светлых волос на палец.

Да так и есть, даже по её лицу было понятно, что большая часть моих объяснений пролетела мимо её ушей, и тем более, сознания.

Она, конечно, старается слушать меня внимательно, но видно, что её мысли витают где-то далеко отсюда.

— Оксана, если ты хочешь иметь своё дело, ты должна быть более сосредоточена. Ты упрекнула, что я отказался помочь. Вот, я помогаю. Постарайся быть повнимательнее, — смотрит на меня с благодарностью, кивает.

— Спасибо, Аркадий... Ты так добр ко мне.

Теперь, когда я продолжаю, она записывает что-то в блокнот, рисует там цветочки и лепесточки, и иногда зевает.

Сегодня, когда я ехал на встречу к ней, у меня неожиданно возникла мысль, которая показалась мне гениальной.

Оксана ненароком ляпнула о суммах, которые оставил ей отец, и я решил, что можно поработать вместе.

Надо, кстати, пробить о её капитале. Только через кого... Через своих безопасников такое не сделать, а чужих ещё найти надо. Ладно, разберусь позднее. Мне бы с ней пока разобратся.

Главное, чтобы она согласилась вложить деньги в общий со мной проект. Она ничего не понимающая ведомая, а я ведущий. Тогда мне будет проще распоряжаться этими деньга-

ми, нежели в компании Лины.

— Слушай. У меня тут возникла идея: ты же хочешь открыть линию одежды, а у нас обувь. По сути, это набор, который нужен любой женщине. Твоё направление в одежде и моё, точнее, наше в обуви — разве не отличный тандем под единой маркой или брендом? Почему бы не создать такой совместный бренд, который объединит эти две важные составляющие стиля в современном мире?

Она удивляется, улыбается и начинает восторженно тихо аплодировать, соглашаясь со мной. Я ощущаю себя бесконечно гордым и счастливым.

Пока она самозабвенно восхваляет мою идею, в моей голове уже начинают вырисовываться образы будущих совместных коллекций, громкие рекламные кампании, и даже перспективы, как мы выходим на международный уровень.

— Уверен, что у нас всё получится.

— С вашей поддержкой сто процентов! Нет, тысяча! Как я могу вас отблагодарить, что вы так добры ко мне и готовы взять в свой бизнес, Аркадий Евгеньевич, — переходит на официальный тон, играет, заигрывает, понимаю.

Её рука неожиданно ложится на мою сверху, и нежные пальчики начинают скользить по коже.

Моя реакция — мгновенная дрожь по всему телу, но я не позволяю ей продолжать, резко одёргивая руку.

Она теряется от моего такого поведения, потом, видимо, вспоминая, что мы в общественном месте и я женат, перехо-

дит к другому виду «общения».

Под столом...

Чувствую, как носок её туфельки двигается по моей штанине.

Закрываю глаза и позволяю это движение. Длинная ска-терть даёт ей возможность для любых действий. Хоть под стол залезь, никто не заметит.

— Оксан, сосредоточься на деле, — беру себя в руки, ко-гда её нога уже возле моего паха. Начинаю ёрзать на стуле, как недавно ёрзал в кресле самолёта.

— Почему? — игриво. — Никто не видит же, что я делаю. А тебе нравится... По лицу вижу, как нравится!

— Потому что вот, — поднимаю свою руку и показываю на обручальное кольцо. — Я женат. А у нас с тобой только общая идея, и возможно, общий бизнес в будущем. Опять же, я должен сначала только супруге всё рассказать. Одобрит она или нет.

— Но...

— Оксан, я тебя разочарую! Я люблю свою жену и не уйду от неё. Так что не надо! Повторяю, у нас сугубо деловые от-ношения! Прекрати, пожалуйста. Либо мы продолжаем го-ворить о деле, либо это последняя встреча!

Говорю ей это грозно, а сам на салфетке царапаю шарико-вой ручкой: «Пиши свой адрес. Приеду, как только смогу».

И всё-таки хочу перестраховаться, и допускаю мысль, что безопасники, верные псы Лины могут быть где-то рядом.

Если это так, тогда пусть ребята смотрят и записывают, как я ищу новых потенциальных партнёров для нашего бизнеса и докладывают моей жене.

Я не против, только за!

Оксана, поняв мою игру, делает вид, что приняла всё сказанное мной о браке, жене, верности, извиняется и обещает больше не переходить границы дозволенного, думая только о бизнесе.

Забив позднее в интернете её адрес, присвистываю, понимая, что живёт она в шикарном доме.

Ну, всё, мои опасения не подтвердились, можно спать с ней спокойно.

Она не ищет папика, я ей нужен. Я!

Лететь к ней хочется, скакать через ступеньки, но подъехав ещё несколько минут сижу в машине, прежде чем подняться в квартиру.

По большому счёту, глядя на этот дом, в котором живёт девушка моей мечты, я понимаю: даже если вдруг Линка всё узнает обо мне, на бобылях, уйдя к Оксанке не останусь.

Девка с деньгами, отличный дом, будущая компания...

И чего я тогда здесь сижу? Наверное, стоит попробовать осуществить задуманное? Рискнуть...

И что-то мне подсказывает, что в проигрыше не останусь.

Конечно, возможно, я тороплю события, но в паху свербит, а вдохновение о будущем успехе требует решительных действий.

Моя звезда на пороге встречает меня в одном просвечивающемся пенюаре, который показывает её части тела так откровенно, насколько это возможно.

Тянет меня к себе и хочет поцеловать, но я не позволяю.

Несмотря на дикое желание, условия я хочу диктовать сам.

Попробую пока повторить, что говорил в ресторане, посмотрю на реакцию и буду думать дальше.

Она пока может и в любовницах походить, если вообще всё сложится.

Мы, может на уровне темперамента в постели друг другу не подойдём, а я тут планы грандиозные строю.

Полная неизвестность, почему бы с двух куриц не получать золотые яйца, если есть такая возможность?

— Ты шикарно живёшь, — кивает гордо, шире распахивая передо мной входную дверь.

Замечаю дорогую обстановку.

— Ну я же говорила, что я богатая девочка, — ухмыляется и подмигивает мне игриво. — А ты думал, что я к тебе в кошелек заглянуть хочу? — киваю.

Чего врать-то? Думал, но рад, что ошибся!

— Так! — поднимаю предупредительно руку. — Прежде чем я переступлю порог этого дома, ты должна понять: я не шутил и реально не хочу уходить от жены. По крайней мере, пока! Меня всё устраивает! Плюс у нас совместный бизнес, сама понимаешь! Так просто из него без потерь не вы-

скочить. Плюс, если ты хочешь побыстрее начать своё дело, нам нужна её поддержка.

— А кто сказал, что мне надо, чтобы ты уходил от жены? Я и не прошу, чтобы уходил. Любовница от слова «любить»! Любовниц любят, а жён терпят! — усмехается. — Я ни на что не претендую, просто хочу, чтобы ты помог мне с моим делом, и... тебя. Не понравится, можем даже одним разом ограничиться... — показывает игриво палец как цифру один, а затем засовывает его в рот. — Но я думаю, что тебе захочется больше. Ну же, переступи порог моего дома... Не переживай, расслабься и получай удовольствие... Никто не узнает, Аркадий.

Всё, что она говорит, вызывает у меня одновременно и шок, и довольное восхищение. Шок, потому что, ей, видимо, плевать, что я женат, а восхищение, потому что она не претендует на большее и чётко определяет для себя границы.

Основная масса любовниц хотят на место жены, а Оксане словно всё равно на её статус в наших отношениях.

Все хотят денег от таких, как я, состоятельных, а ей ничего от меня не надо.

Бляха-муха, да я сорвал джекпот, но всё ещё мечусь между адом и раем.

— Один раз? — хочу снова от неё это услышать, чтобы остатки разума заткнулись.

— Один раз! — расплывается в улыбке, кивает и стягивает лямки своего пеньюара. — Для начала... — подмигивает.

— Если не будет продолжения, это и изменой даже назвать нельзя, Аркаш.

И я переступаю порог её дома.

Неважны наши договорённости с Линой, клятвы, что мне нужна только она и наша семья. Всё неважно!

Мозг затуманил единственное желание — обладать этой красоткой.

Глава 8

СПУСТЯ ДВА МЕСЯЦА

— Аделина Евгеньевна, — в дверь моего кабинета стучится главный бухгалтер Александра Сергеевна. — Мы можем поговорить? Очень нужно обсудить кое-что важное.

Я поднимаю глаза от бумаг, чувствуя лёгкое беспокойство в голосе нашего сотрудника. Замечаю, что она выглядит крайне взволнованной.

— Что-то случилось, Александра Сергеевна?

— Пока сама не знаю, но надеюсь, что ничего серьёзного. Честно говоря, я из-за своего длительного отсутствия по причине болезни не была полностью в курсе всех событий за последние пару месяцев, но сейчас начала разбираться с финансовыми делами компании, отчётами и...

Она останавливается, дальше не говорит, словно подбирает правильные слова.

— В бумагах я отметила одну странность, с которой я думала, разберусь самостоятельно. Но, к сожалению, не получается.

— О чём речь?

— Это касается вашего мужа и денег компании, — напрягаюсь, собираюсь, вся внимание. — Дело в том, что примерно последние пару недель Аркадий Евгеньевич как-то...

Главный бухгалтер также неуверенно мнётся, раздражая

меня своим поведением. Она никогда не вела себя настолько неуверенно, как сейчас.

— Пожалуйста, Александра Сергеевна, вы меня прямо нервничать заставляете, — улыбаюсь, и её эта улыбка, кажется, немного расслабляет.

— Извините. Просто речь о трёх важных составляющих, с таким я в своей работе ранее не сталкивалась. Речь о директоре, и одновременно о вашем муже. И о деньгах. Поэтому мне так сложно подобрать слова.

— Но всё равно сказать придётся...

— Да. Иначе я вынуждена буду уволиться, если не пойму, что происходит в компании. Я привыкла всё контролировать. В общем, Аркадий Евгеньевич слишком свободно стал распоряжался денежными средствами. Но не это важно. Важно то, что он пытается делать это... тихо, если можно так выразиться. Я понимаю, он очень грамотный финансист, он знает многое, и, даже возможно, больше чем я... Но... всё-таки бухгалтерия — это не его направление. У него, кажется, другие задачи?

Она смотрит на меня пристально, ждёт реакции.

— Оценки экономических и инвестиционных рисков, — продолжает, — анализ условий сделок, осуществление аналитических исследований рынка — перечисляет мне то, что я и так знаю. — Конечно, конечно, я помню, что в его обязанности ещё входит распределение денежных средств предприятия, но... отчётность... за отчётность я отвечаю.

Она говорит, говорит, говорит, а мне надо, чтобы замолчала. Переварить хочу понимание слов «он пытается делать это... тихо». Потому что слова эти вызывают у меня шок и недоумение. А ещё не получается неожиданно для себя самой сосредоточиться и понять смысл тех самых слов.

Возможно, это потому, что я выдохлась за последние месяцы интенсивной работы. История с этими подозрениями о недобросовестных партнёрах буквально высосала из меня всю энергию.

Конечно, я могу отказаться от этой сделки из-за подозрений Аркадия и забыть о ней, но я не хочу!

Что-то подсказывает, что я не ошиблась в этих людях, с которыми планировалось столь плодотворная работа.

Сейчас мы с Меркуловым нашли способ выиграть немного времени, сославшись на необходимость закрыть несколько важных вопросов. Но правда на самом деле была в том, что мне нужно было тщательно перепроверить всю информацию, которую предоставил Аркадий. Казалось, весь мир сузился до этой одной задачи и не существовало ничего другого.

Я хотела убедиться, что ничего не ускользнуло от моего внимания, я ушла в это с головой, причём в планах было потратить на это максимум неделю, я уже почти два месяца варюсь в этой истории.

Нет, надо заканчивать. Либо отказываться, либо соглашаться. Даже несмотря на то, что я привыкла просчитывать

всё в своей голове в бизнесе, в этот раз в усталости я готова принять решение на эмоциях.

— В каком смысле, тихо? И о каких суммах идёт речь?
— собираюсь.

— Дело в том, что Аркадию Евгеньевичу даже доверенность на управление финансами компании не нужна. То есть он может принимать такие решения без согласования с кем бы то ни было...

— Это всё я помню. И?

— Так вот. Но суммы, о которых я говорю, странные. Они и не очень большие и не маленькие...

— Так всё-таки о каких деньгах идёт речь? О каких суммах?

— Посмотрите, — протягивает мне бумаги, — Триста тысяч на прошлой неделе и сто тысяч на этой. Рискнула задать вопрос, на что он снимает такие суммы, но он ... словно оскорбился и заткнул меня, — осекается. — Простите... Сказал, чтобы не лезла.

Замолкает, но я теперь жду продолжения.

— Конечно, чтобы не конфликтовать с директором я могу заказать аудит, и подтвердить корректность введения финансовых дел, но... Вы же всё-таки муж и жена. Плюс, это возможный удар по репутации компании. Я с вами долго работаю, и вредить совершенно не хочется. Признаюсь честно, если бы это был сторонний человек, я бы давно этот аудит заказала. Но здесь...

Опускает лицо, тщательно подбирает слова снова и снова.

— Ох, как же мне некомфортно разговаривать с вами по этой ситуации! Понимаете, при условии, что он не может или не хочет отчитаться бумагами за эти деньги, у меня появилась подозрение, что здесь все признаки нецелевого расходования денег. Повторюсь, допрос я ему устраивать не могу, а вот вы, если не в курсе имеете полное право...

— А! Про эти деньги я знаю, — вынужденно вру, потому что понимаю, какие последствия могут повлечь её подозрения, что я не в курсе ситуации.

Да, наш главный бухгалтер женщина принципиальная, любые проверки, о которых она только что сказала, могут привести компанию к плохой репутации.

Несложно догадаться, если партнёры узнают о ситуации, где муж и жена совместно не могут решить финансовые вопросы, вряд ли с такой компанией кто-то захочет иметь в будущем какие-либо дела.

— Знаете!? Правда?! — и, кажется, она даже счастлива.

— Ну, конечно, просто я сначала растерялась, но потом, когда вы суммы стали говорить, я вспомнила, что мы обсуждали это с ним.

— Фуф, вы прямо камень с моей души скинули! Потому что я не знаю, как добиться от него правды. Он любые мои вопросы касавшие финансов как-то слишком критично воспринимает. И для него даже, кажется, не имеет значения, что я главный бухгалтер.

— Спасибо вам большое, что вы обратили на это внимание, и не оставили этот вопрос.

Главный бухгалтер, поняв, что катастрофы не случится, обсудив со мной ещё пару вопросов, сбегает из кабинета, скорее всего, чтобы выдохнуть и успокоиться.

При мне она старалась держаться уверенно, но я видела, как она нервничает. Тяжёлым и громким выдохом она дала мне ясно понять, что ей стало легче после моих слов.

— Анатолий Семёнович, зайдите ко мне, — звоню начальнику службы безопасности.

— Ангелина Евгеньевна... — стучится через пару минут в дверь кабинета. — Можно?

— Да, конечно. Анатолий Семёнович, мы с вами последнее время были сосредоточены на предстоящей сделке, — кивает, — и я, забыла спросить у вас, есть ли данные на ту дамочку, о которой я просила узнать. Ну, вы понимаете... Отдыхал Аркадий один или нет на Гоа.

Мне стыдно перед ним, но, когда я увидела мужа в компании этой дамочки всё-таки задумалась, на самом деле он отдыхал один или развлекался с кем-то.

— Да, я всё узнал. Он отдыхал один, — значит, не обманул... — Ангелина Евгеньевна, вы не просили меня ничего, но я всё-таки любопытствовал и ребятам заказал узнать о ней. Не могу объяснить, почему я это сделал. Может, профессиональное... может просто придумал себе лишнего в голове. Вот, — кладёт мне папку на стол. — Не знаю, понра-

вится вам эта информация или нет, но... как говорят: из песни слов не выкинешь. Почитайте, а я пока пойду.

Киваю, благодарю за его труд и неравнодушие.

Устала. Очередной суматошный день...

Закрываю глаза, тру переносицу. Эта усталость давит на плечи словно физически.

Открываю папку. Фото красивой девушки. Очень красивой, я бы даже сказала. Я её тогда не разглядела, мне без надобности было. А сейчас не могу не заметить, насколько она хороша.

Мне несложно признать чью-то красоту. Я не буду искать изъяна. Если человек красив, значит, он красив. А этого ей не занимать.

Большие голубые глаза, губы, волосы, всё своё, «родное».

Петрякова Оксана Владимировна... Год рождения 1999. Не совсем юна, значит, скорее опытная...

Биография небольшая, а вот список «послужной» очень даже. Когда заканчиваю читать о ней, начинаю смеяться в голос.

Так захожусь смехом, что проступают слёзы. Только сначала это слёзы смеха, а теперь, через минуту слёзы досады и разочарования из-за скудности и тупости ума моего мужа.

Как только на горизонте появилась «идеал его красоты», потерял голову, догадываюсь. Не удержался, не устоял.

У меня всё раскладывается на свои места в момент в уме.

— Ангелина Евгеньевна, — выдёргивает меня кто-то из

моих мыслей. — Ангелина Евгеньевна, — уже более отчётливо.

— Что?

Поворачиваюсь к зовущему, замечаю Сергея Алексеевича и снова резко отворачиваюсь от него. Я же плачу! Наспех вытираю слёзы и поднимаю вверх глаза.

— Вы... если заняты, я готов зайти позднее. Дверь была приоткрыта.

— Нет, нет, простите, что-то попало в глаз просто. Заходите, конечно, — приглашаю его.

Он стоит и ждёт, когда я приведу себя в порядок, и ничего не говорит.

— Нормально всё у вас? — киваю. — Помощь нужна? — отрицательно кручу головой. — Могу говорить о деле? — снова киваю. — Вот, — протягивает мне папку, — друзья помогли нам узнать про партнёров, с которыми мы очень хотели работать. Конечно, это заняло время, но...

— Как... Вы тоже этим занимались? Но... Вы же дизайнер, это не ваша работа.

— Я не смог остаться в стороне, когда вы оказались в такой ситуации. Простите, что я полез не в своё дело. Случайно услышав ваш разговор с нашими ребятами из службы безопасности. Как оставаться равнодушным, зная, сколько времени, сил, энергии вы потратили на развитие своего бизнеса и выстраивание контактов? Никак? — улыбается.

— Спасибо, — не скрываю своего удивления. — Да, сей-

час тяжёлый период. Такое бывает в бизнесе.

— Я знаю, — усмехается. — Как никто, знаю. Я пришёл...

— А откуда вы это знаете?

— Неважно. Стоит ли об этом сейчас?

— Стоит! Мне очень интересно! Расскажите! — я не вру, мне, правда, очень интересно. И я даже на мгновение отвлекаюсь от своих проблем. Мне это нужно в данный момент. Очень!

— Дело своё было. Рестораны в Италии, я жил там около пятнадцати лет. Уехал с целью заработать, остался на пару десятков лет. А сейчас вернулся в Россию.

— Но, погодите, вы же дизайнер... — опять повторяю эту фразу.

— Да, но про диплом вспомнил, когда вернулся домой. Ну ладно, расскажу позже, если заинтересуетесь. А сейчас... Ангелина Евгеньевна, посмотрите бумаги, которые я вам принёс, и, если интересно моё мнение, не бойтесь соглашаться на этот контракт. Уверяю вас, он принесёт вам удачу. Главное — доверяйте независимым экспертам. Они уж точно не подведут. А муж ваш... на мой взгляд, лишнюю суету навёл вокруг этой компании. И, совершенно точно напрасно.

— Подстраховался...

— Да, наверное, Он же суперспец, — не сдерживает улыбки, но я понимаю, что это чистой воды сарказм.

— Хорошо. Спасибо.

Меркулов коротко кивает, поднимается со стула и уже

возле двери произносит:

— Вам бы выспаться. Вы, полагаю, очень устали за эти несколько месяцев.

Чувствую, как краснею от смущения. Как же неловко! Неужели всё так заметно?

— Это так видно? — мне неожиданно становится стыдно перед своим сотрудником.

— Конечно. Женщине нельзя столько работать. Впрочем, простите, это, конечно, не моё дело, — на миг замолкает, а потом быстро выходит.

— Спасибо, — снова говорю я ему вслед.

Открываю косметичку и смотрюсь в зеркало пудреницы. Действительно, отражение подтверждает его правоту. Круги под глазами выдают бессонные ночи. Тональный крем помогает только на время.

Спать нормально не получается. Все мысли крутятся возле работы.

И здесь внезапно я осознаю: а вот мой муж, наоборот, выглядит свежим и отдохнувшим. Он бодр, весел и, похоже, полностью удовлетворён жизнью.

Глава 9

Сначала дошла до его кабинета, но там не застала. Телефон также отключён.

Я никогда не следила за мужем и не просила, чтобы он отчитывался, куда уехал, но сейчас думаю, что пора ввести такую практику, хотя бы пока мы не закончили важное дело.

Но, кажется, как раз то самое важное дело его теперь не очень интересует.

Мне теперь кажется, он уже смирился, что мы не заключим такой важный для нашей компании контракт. Возможно, потому, что у него какие-то свои планы. Хотя, почему «возможно»? Я в этом теперь уверена.

Кручу снова в руках платёжки, которые оставила мне главный бухгалтер.

Деньги словно растворились в воздухе, оставив после себя лишь загадочные записи в отчётности. Цель платежа «На нужды компании» и больше ничего.

Никак не получается теперь отсоединить в голове одно от другого. Одно — это платёжки. Другое — его измена десять лет назад.

Эти платёжные документы неожиданным образом стали для меня возвращением в прошлое. Потому что его поведение стало казаться мне таким знакомым...

Слышу звук подъезжающей машины. Аркадий приехал

домой.

А следом за ним, совершенно неожиданно, появляется наш сын со своей девушкой.

Наш дом для них всегда открыт, поэтому они приезжают без предупреждения, когда хотят. Я, естественно, рада моим родным, но разговор с мужем придётся отложить на пару часов.

Наблюдаю за мужем. Аркадий сидит напротив меня, ослабленно откинувшись на спинку стула, и спокойно обсуждает с детьми всякую ерунду. Он абсолютно невозмутим, как будто ничего важного не произошло.

Сделка отложена? Ну и ладно! Ему хоть бы хны и никаких признаков для беспокойства, нервозности.

Он весело рассказывает Игнату о том, какую машину хочет купить себе, обсуждает погоду, шутит над чем-то с сыном.

Маша всё больше грустит и ничего не кушает. Надя пытается с ней о чём-то поговорить, но она не идёт на контакт. Всегда жизнерадостная девушка неожиданно словно закрылась ото всех.

— Всё в порядке у тебя? — спрашиваю, когда мы с ней убираем со стола.

— Да, мама, всё хорошо. Не беспокойся за меня, — обнимает за плечи и кладёт голову на моё плечо.

— Маш...

— Мам, не сейчас, ладно? — смахивает слезу. — Пока не

хочу говорить, мамочка.

— Проблема разрешимая? — единственное, что спрашиваю её.

— Наверное, — говорит уклончиво. — Да, да, разрешимая, — видимо, желая меня успокоить.

Ближе к вечеру, когда наконец все разошлись, засунув посуду в посудомойку, поднимаюсь в нашу спальню.

Слышу, как шумит вода в душе, и жду, когда он выйдет. Его нет довольно долго.

Наконец, дверь ванной открывается, и он выходит, вытираясь полотенцем. Его взгляд скользит по мне, задерживаясь на секунду дольше обычного.

— Ты сегодня вся какая-то... напряжённая. И Маша тоже. Что-то случилось у вас?

— Аркадий, сегодня я разговаривала с главным бухгалтером...

Он замирает, полотенце больше не движется по волосам. Его глаза становятся серьёзными, и он отворачивается, возвращаясь в ванную. Там он проводит несколько, как мне теперь, кажется, долгих минут.

Сменив полотенце на домашний костюм, возвращаться в спальню. Садится рядом со мной на кровать, и мы оба молчим. Оно странно затягивается и становится раздражающим.

— Пришла жаловаться, старая гримза, — сдаётся.

— Ну да. Рассказала как ты... выводишь по-тихому деньги. Сам скажешь, куда и зачем?

— А если не скажу?

— А если не скажешь, тебя ждёт аудит. Несмотря на то что ты умный финансист, ты тоже можешь совершать ошибки. И в этот раз, похоже, это случилось. Если ты сам готов сказать, о чём речь и куда уходят деньги, я готова выслушать.

— Вот ведь! Всё испортила! — начинает психовать.

— Кто что испортил? Я не понимаю тебя.

— Главбухша твоя, дура занудная, всё испортила!

— И чем она дура? Это её работа!

— Я ведь просил её не говорить тебе ничего! Хотя бы ближайши́е месяцы!

— В смысле... — вообще уже не понимаю, о чём он говорит. — Не говорить, что ты обворовываешь нашу компанию? Ты совсем чокнулся? — теперь уже и я выхожу из себя. — Ты же адекватный, вроде, человек. Я же узнаю всё равно, или позднее или раньше об этих расходах! Что с тобой происходит, в конце концов?!

— Никого я не обворовываю! Я, наоборот, для нас стараюсь! У тебя день рождения скоро, я хотел сделать сюрприз! Хотел представить тебе одну идею, которой буквально заболел совсем недавно, но твоя сотрудница всё испортила!

— О чём ты?

— Ладно, чего уж теперь... — вздохнув тяжело, направляется в свой кабинет. Несколько минут тишины, затем возвращается, держа в руках папку для хранения эскизов. Бросает её на кровать передо мной. — Я придумал новую идею,

где мы сможем объединить нашу линию по пошиву обуви и линию по изготовлению одежды. Вот, посмотри! — присаживается рядом и начинает лихорадочно листать страницы.

Его поведение после моих вопросов заметно меняется: он теперь нервничает. Говорит, говорит, говорит, но в глаза мне не смотрит.

— Вот так... — через несколько минут замолкает.

— Но ты мне ничего не говорил... — тихо произношу я, не понимая, почему он скрывал это от меня раньше.

— Ну я же сказал — сюрприз для тебя! — отвечает он, слегка раздражённо, с обидой. — Думала, что только ты с Меркуловым такие умные и креативные? Нет, я тоже умею мыслить нестандартно, хоть и больше работаю с цифрами!

Беру в руки бумаги, начинаю рассматривать и не знаю, что сказать. Честно, неожиданно. Пока в голове у меня крутились другие мысли, на что он мог потратить эти деньги, а здесь... эскизы? Новая коллекция? Аркадий придумал? Чудеса...

— Ну что? Порвать? Выкинуть? — смотрит на меня с вызовом.

— Не пори горячку!

— Ты сама подумай, Линка, это же так круто создать ещё один новый бренд, и пойти дальше, чем тот уровень, на котором мы находимся.

— Я не уверена, что это возможно, — признаюсь.

— Почему?

— Тебе мало того, что у нас есть? Я и там работаю слишком много, не смогу больше ближайшее время новые проекты тянуть. Всех денег не заработаешь, — говорю правду.

— А мне мало! Больше хочу! — раскидывает руки в стороны, словно обнять этот мир хочет и присвоить его себе. А насчёт тебя, не лезь, дай время и денег, я сам всё организую.

— Именно на это ты и воруеть деньги из бюджета компании?

— Вот ведь заладила! Я не ворую! Я беру на дело!

— Хорошо. Но имей в виду, что больше суммы, чем пятьдесят тысяч в день без моего согласия ... на дело, — делаю паузу, — ты никуда не переведёшь.

— Вот так вот, да? А где поддержка? Где восхищение моей идеей? — возмущён практически до бешенства. — Погоди... Ты закрываешь мне возможность распоряжаться деньгами компании? — наконец-то доходит, что я только что ему сказала. — Не доверяешь своему мужу? — Он словно берёт меня на «слабо» теперь и требует, чтобы я опровергла это.

— Да, я не доверяю собственному мужу. Какие бы идеи не возникали в твоей голове, мы раньше всё обсуждали. А сейчас ты изменился до такой степени, что я смотрю на тебя и словно другой человек передо мной. Ты проворачиваешь эти вещи за моей спиной, а это сродни обману. Помнишь главное правило в нашей семье в отношениях? Не врать! Ты меня накрутил про компанию, с которой мы планировали заключить сделку и слился. Другие разбираются с этим, а теперь

вдруг ты придумываешь новые идеи и не обсудив со мной берёшь деньги.

— А я что, отчитываться должен?

— Нет, конечно. Но ты не ответил главному бухгалтеру на что потратил деньги. А это, согласишься, очень плохой знак.

— Зря я тебе рассказал свою идею, — не слушает мои доводы. — Надо было молчать до последнего и делать то, что хочу я.

— Хватит претензии высказывать. Откуда полезли обиды? Кризис среднего возраста в голову ударил, что ли? Понял, что ты вдруг рядом со мной не состоялся или что?

— Допустим! Я тоже в этой жизни что-то стою!

— А я хоть раз тебя в этом заставила усомниться? — молчит. — Поговорить об этом хочешь? У тебя, если неожиданно ко мне какие-то претензии появились, так ты скажи. Молчать зачем?

— Нет! — рявкает недовольный.

— Ну, тогда спокойной ночи.

Я опять плохо спала и сегодня. Теперь, кроме вопросов о компании, в моей голове кружилась ещё одна мысль: претензии к жене обычно возникают, когда её с кем-то сравнивают. И Аркадий, видимо, именно сейчас этим и занимается.

А на пути в новую жизнь у Аркадия лежали старенькие грабли...

Глава 10

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО.

— Сегодня я задержусь, — произносит мой супруг, делая вид, что эта новость не имеет особого значения, и при этом наслаждаясь утренним кофе. — Дел много.

— Хорошо. Работа? Новый проект? — уточняю я, стараюсь сохранить нейтральную интонацию. — А что делать со старым? Ты так и не ответил.

— Ну ты же перенесла даты, и как я понимаю, всё решила сама с замом. А насчёт работы, сегодня я не буду работать, я решил встретиться с ребятами, немного расслабиться... Поговорить о жизни. Давно не виделись.

— Ну конечно, отдых необходим. Только ты, прежде чем с друзьями разговаривать, может и со мной бы поговорил?

Да, я теперь точно знаю, что он изменяет, хотя сама лично этого не видела.

Мне достаточно его изменившегося поведения. Оно, как правило, само выдаёт все тайны человека. Особенно мужика.

Мы же проходили это однажды, и мне есть с чем сравнить. Так что, доказать его измену — это лишь дело времени.

Когда человек ошибается единожды, это можно назвать ошибкой и её можно простить. Когда человек совершает подобное второй раз — это уже можно назвать системой, и про-

стить подобное повторно, значит признать, что дурак не он, а ты.

Время пролетает до вечера за работой незаметно, и лишь стук в дверь кабинета и появление сына напоминает мне о том, что пора собираться домой.

— Мам, привет, — заходит мой сын, ведя за руку свою девушку.

— Привет, — улыбаюсь я, вставая из-за стола и направляясь к ним, чтобы обнять и поцеловать сына.

Заметив, что они оба взволнованы, чувствую, что-то не так.

— Что-то случилось? — Молчат. Вижу, сказать хотят, но не решаются. Беременна, может, решили посоветоваться... — Ну же, сынок, говори. Если помощь нужна, поддержка... — смотрю теперь на Надю.

— Мам, — прерывает меня сын, — слушай, а где сейчас папа? Ты знаешь?

— Он сказал, что поедет встретиться с друзьями. Но я, думаю...

— Мама, он не с друзьями, он обманывает тебя, — не даёт закончить мне, говорит зло Игнат.

Я вижу, что он очень агрессивно настроен, но не в отношении меня точно. Надя тоже это замечает и перехватывает инициативу на себя.

— Ангелина Евгеньевна, извините его, он просто очень... возмущён, растерян и не знает, как вам это сказать. Лучше я

расскажу. Видите ли, мы с вашим сыном видели вашего мужа с другой женщиной сегодня в ресторане. Конечно, иногда такие вещи можно оставить без внимания, мало ли с кем можно проводить деловые встречи. Допустим, с инвесторами, или, как сказал Игнат, у вас сделка какая-то важная скоро. Может это как раз об этом, — девушка бросает быстрый взгляд на моего сына, который утвердительно кивает ей. — Только здесь дело совсем другое, — добавляет она, немного колеблясь, прежде чем продолжить.

— Ладно, хватит! Ты сильная, правду предпочитаешь. Вот правда, мам! Короче говоря, он был с какой-то бабой, и она точно не инвестор, не клиент и вообще не из наших общих знакомых, с которыми, например, просто можно посидеть, поболтать, встретившись случайно. Ну, то есть, я её в первый раз вижу. Она моложе тебя лет на двадцать, примерно моего возраста, может, чуть старше. Не суть! Всё бы ничего, но она держалась так уверено рядом с ним, будто она его... жена, а не ты. А про встречу с друзьями ложь.

— Да, она... трогала его так, по-хозяйски, словно имеет на это полное право, — продолжает Надя.

— Да, именно так, — подтверждает сын. — Последней каплей стало то, что они начали целоваться прилюдно. Он, мне кажется, и не ожидал, но она уверенно полезла к нему, словно знала, что не откажется от её ласки!

Подхожу к своему рабочему креслу, опускаюсь на него и закрываю глаза.

— Да, да, так и есть, — еле слышно добавляет девушка. — Игнат хотел подойти, но я не позволила. Решила, что лучше пусть вы сами между собой разберётесь.

— Да, только Надя меня и удержала, — сжимает кулаки. — А так я бы ему в рыло его поганое и лживое дал! Он тоже, кстати, не оставался в долгу, — продолжает мой сын. — Прижимал её к себе, они всё что-то шептали, смеялись... Тварь! Лживая тварь! Мама, он же обещал тебе!

— Я всё поняла, ты можешь больше не продолжать, — останавливаю его, чувствуя, что мой сын распаляется всё больше и больше.

Гнев его глазах меня пугает. Я боюсь, как бы он в этом гневе чего не натворил. Мне плевать на мужа, меня интересует, чтобы только сын не пострадал.

Он всегда был очень ответственным парнем, и наша история из прошлого сильно повлияла на его создание и восприятие мира. В отличие от его отца измены он считал чем-то низменным и недостойным мужчины.

Я радовалась и гордилась сыном, а он всегда очень оберегал меня.

— Мам... это ведь я виноват, — опускает голову, отводит глаза.

— Нет, нет, — отрицательно кручу головой. — Ты ни в чём не виноват.

— Как же я теперь жалею, что уговаривал тебя простить его, — переходит на тихий тон сын и извиняется. Следом

начинает растирать быстро руками своё лицо, словно пытается скрыть своё сильное разочарование. Его голос дрожит, но, буквально минута и он берёт себя в руки.

— Прекрати, Игнат.

— Нет. Не надо было нам с Машкой так за него бороться... Нельзя было просить тебя позволить ему вернуться домой тогда. Видишь, он ничего не оценил, не понял и не сдержал данного своей семье слова. Мама, гони его! — резко заявляет он, и в его глазах читается решимость. — А если ты не сможешь, если сомневаешься, если боишься, что он физически сильнее и может тебе навредить, то я сам это сделаю! Поехали домой! Вместе дождёмся его!

— Спасибо, сынок, — говорю я, едва справляясь с эмоциями. Мне сейчас нельзя распалиться вместе с ним. Это раззадорит его ещё больше.

Встаю, подхожу к окну и отворачиваюсь от них. Он ждёт моего решения, а я молчу.

— Мам, если ты не хочешь при Наде говорить, то она всё знает, — расценивает моё молчание по-своему.

— Надя, — обращаюсь к ней. — Извини нас.

— За что? — словно не понимает.

— Наша семья втянула тебя в неприятную историю. Мне стыдно.

— Нет, не извиняйтесь! Точно не вы должны извиняться!

— Спасибо за поддержку. Игнат, — обращаюсь к сыну, — я поговорю с отцом, — поворачиваюсь к ним с натянутой

улыбкой.

— И всё? — не скрывает своего удивления и возмущения мой сын. — А о чём ты с ним поговоришь? — не отвечаю на его вопрос, потому что не во всё посвящаю сына. Есть вещи, которые ему точно не надо знать. Пока, по крайней мере. — Мама, просто поговорить мало! Ты должна выгнать его из дома! Развестись с ним! И уж точно не прощать ему новых измен!

Сын сейчас смотрит с такой злостью, словно его самого оскорбили, а не меня. И в какой-то мере это действительно так. Ведь я его мать, и любая ложь, причиняющая боль мне, автоматически становится и его личной болью. У нас с сыном и дочерью так всегда было.

— Он сам уйдёт. Но сначала я хочу, чтобы он признался мне, что обманул.

— А с чего ты решила, что он сам уйдёт?

— Решила и всё. Прошу, не надо сейчас вопросов. Позже, милый, не сейчас. Дай с мыслями собраться.

— Но...

— Всё, успокойся, — подхожу к нему, мягко касаюсь его плеча. — Сынок, всё будет нормально. В одном ты должен быть уверен: я точно не собираюсь вредить себе.

— Правда? — у меня, кажется, получается. Сын слегка расслабляется, берёт мою руку в свою и крепко сжимает её. Затем, не стесняясь присутствия своей девушки, обнимает и прижимает к себе. — Мама, я сожалею... Прости меня! Я так

виноват! Нельзя было прощать, нам нельзя было умолять... — он, как и я окунается в воспоминания десятилетней давности. — Если бы я только мог вернуть всё назад, мамочка! Ты себе на горло наступила, свою жизнь сломала, но простила его. А он... он ублюдок! Ненавижу!

— Успокойся, — прижимаю его в ответ, нежно глядя по спине. — Успокойся.

Как быстро эти десять лет пролетели... Мой сын, мой мальчик... Он уж уже такой взрослый. Честный, настоящий, умный, заботливый. И как-то другое уже совсем неважно. Я готова была отдать и больше лет своей жизни в этом браке с Аркадием, лишь бы детям моим было хорошо.

А им эти годы было хорошо, я видела. Они успокоились, когда дети уговорили меня разрешить вернуться моему мужу в семью и он снова был рядом с ними.

Так сложилось, что Аркадий муж оказался не очень, но отец он был отличный. Этого у него не отнять. Детей он очень любил.

— Я переживаю за тебя всё равно.

— Всё в порядке.

— Правда? Но, мама... ты такая... спокойная... Как будто бы тебе всё равно... Или это просто маска? Ты просто привыкла в бизнесе не выдавать своих эмоций и учишь меня этому постоянно... — пытается понять моё состояние, вглядываясь в лицо теперь. И я киваю, чтобы облегчить его переживания.

— Именно так. Это в жизни очень пригодится и тебе.

— Чем я могу помочь?

— Я разберусь.

— Ты должна быть готова к разводу. Ты ведь больше не простишь его, правда?

— Конечно же, нет. Дважды в одну и ту же реку не входят. Не лезь — единственное, о чём прошу. Не вмешивайся.

— Ладно, — чувствую, что ему хочется поступить иначе, но он сдержит слово, я знаю.

После разговора с сыном и его девушкой мы подолбали ещё пару минут, попытавшись перевести тему на что-то отвлечённое. Но напряжение, витавшее в воздухе, не покидало ни меня, ни ребят. Они переглядывались, разговаривая глазами, и я понимала, что так или иначе, им было всё равно некомфортно.

Каждый из нас хотел закончить эту встречу и остаться я наедине сама с собой, они вдвоём.

— Можно? — стучится в кабинет заместитель моего мужа Сергей Алексеевич.

— Да, проходите...

Игнат и заместитель мужа жмут друг другу руку, и ребята, пользуясь возможностью, уходят.

— Что вы хотели? — тихим голосом спрашиваю, когда сын и его девушка скрываются за дверями кабинета.

— Хотел показать вам одну интересную вещь... Вы мне передали эскизы, которые... пришли в голову вашему мужу.

— И? что? Интересно? Есть то, что позволит реализовать-ся этой идее?

— Да, интересное есть, но реализация... — но улыбается как-то странно, — здесь, думаю, что вряд ли.

— Причины? Коллекция будет бесперспективной?

— Она будет провальной! Я бы так, скорее сказал! Ведь то, что принёс ваш муж, это чистой воды плагиат.

— Что? — мне показалось, что показалось...

— То. Это чужая коллекция от первой до последней детали. Пару пуговиц переставлено, пару молний. Не более. Рука чужого мастера, которого я очень хорошо знаю. Его стиль, композиция, техника.

Молчу пару минут. Кочусь кубарем с горы мысленно, набирая обороты, и от этого начинает кружиться голова в реальности.

— Вам плохо? — не замечаю даже, как Меркулов оказывается рядом. — А ну-ка, срочно присядьте на диван! — неожиданно командует и подхватывает меня на руки, желая отнести к нему. — Вы что, надумали от такой новости в обморок грохнуться? Плохая идея! — шутит.

— Что вы делаете?! — сразу прихожу в себя, начинаю протестовать, — поставьте меня!

— Нет, не поставлю! — проявляет настойчивость и бережно опускает на диван.

Поправляю в смущении пиджак, чувствую, как трясутся коленки, словно я школьница и меня только что облапал од-

ноклассник.

— Пожалуйста, — говорю тихо, — можно мне побыть одной?

— Ангелина Евгеньевна, простите, но нет.

— Тогда налейте мне воды... — не знаю, что ещё сказать.

— Легко! — наливает мне из графина воды, поглядывает на меня, видимо, желая проконтролировать, чтобы я всё-таки не хлопнулась в обморок. — Вы, кажется, хотели послушать мой рассказ про то, как я был вполне успешным ресторатором?

— Да, — вру, но его предложение прекрасно. Понимаю, что это отвлекающий манёвр от новости о плагиате, и соглашаюсь на это.

Время пролетает незаметно до вечера. Когда мы выходили из офиса, Меркулов настоял сопроводить меня до дома на своей машине, чтобы убедиться, что со мной всё в порядке. Даже растерялась от такого количества заботы.

Вернувшись домой, я вытащила чемодан и закинула туда пару трусов и две пары носков.

— Ну вот, в принципе, и всё приданное жениха. Совет да любовь, Аркадий, тебе с новой женой.

Глава 11

Аркадий

Я не планировал влюбляться, я не планировал изменять жене, но так случилось.

Одним разовым сексом тогда у нас с Оксаной не обошлось.

Попав к ней домой, я как дикий, голодный зверь накинулся на эту девушку, срывая одежду и бельё. Меня всего скручивало от желания обладать этим красивым телом!

И я вот я в ней. На кровати. Затем на полу. Затем на столе. Это сумасшествие! Я имел её повсюду, я имел её везде... Три раза за три часа...

Уже два месяца я увязаю в этой паутине лжи, хотя между мной и Линой было чёткое соглашение не врать.

Нет, мы не договаривались, что я не изменю, мы договаривались, что не будет обмана. И если такое случится повторно, я приду и признаюсь во всём сам.

Но...

Но столкнувшись теперь с реальностью, понял — признаться не смогу. Оттяну момент расставания, но признаться не решусь. Слишком много теряю, слишком невыгодно для меня такое признание.

Только в свете того, что сегодня мы столкнулись с Игнатом в ресторане ближе к вечеру, и он понял, что у меня есть

любовница, теперь без вариантов.

Расстроен только в одном: денег не успел много вывести. Я надеялся, что Лине некогда будет заниматься такими мелочами, как переводы, и у меня как раз будет возможность использовать её занятость себе во благо.

Только главная бухгалтерша мне всё испортила, сук@.

Лезет своим носом куда не просят! Сказал же, что решил устроить сюрприз жене, но нет, попёрлась к Лине с допросом, знает ли она про переводы.

Смотрю на заходящую в комнату Оксану... красотка! Секси! Её упругие ягодицы и аппетитные формы привлекают многих мужиков, я заметил. Но она только моя!

Мне надо ехать с женой разговаривать, я только отвезти её собирался до дома, но опять никак не могу покинуть его.

— Ты грустная сегодня или, мне кажется? — тяну её к себе на колени. — Расскажешь?

— Так заметно? — отворачивается от меня.

— Да. Что случилось у моей девочки? Ну-ка признавайся, — начинаю её щекотать, а она смеяться в реакции.

— Ну, прекрати! — заливается, а потом становится серьёзной и опускает глаза в пол. — Тебе не понравится, Аркаш, что я скажу, — интересно. Напрягаюсь. Какие новости ещё и от неё прилетят мне сегодня?

— Говори...

— Только клянись, что не будешь злиться?

— Не буду, обещаю, — глажу её по спине, целую в шею.

— Я, Аркаш, влюбилась в тебя, — заглядывает мне в глаза, как преданная собачонка. — Не знаю, как так случилось, я сама не планировала. Но ведь... разве сердцу можно приказать? Нет!

Зависаю. Влюбилась она в меня... И в чём проблема, не понял...

— И-и-и? Влюбилась и что?

— Но я же обещала тебе, что... мы с тобой будем просто партнёрами. И я не о сексе! А, видишь, как всё складывается. Чувства оказались сильнее моих жизненных принципов не влюбляться в женатых мужчин. Но я как увидела тебя там, а аэропорту... А потом и кресла оказались рядом. Теперь мне всё больше кажется, что шутка про судьбу — это уже прямо совсем не шутка! — серьёзная теперь такая, моя девочка.

— Ну... жизнь меняется. Мы меняемся. Наши желания тоже, — а я разговариваю, напротив, весёлым тоном, чтобы она поняла, что меня не страшит её признание. Напротив, я даже очень доволен!

— И что же теперь с этим делать? — теребит пуговицу на рубашке.

— А что ты хочешь сама? — целую её ладошку, и она довольно улыбается теперь, понимая, что её признание сыграет огромную роль в моих дальнейших поступках.

— А я могу на что-то претендовать? Ты же женат, не я. Тебе и решать... — кидает мне вызов, намекая, что я должен теперь всё взять в свои руки.

— Ну что ж... Это, знаешь, даже неплохо, что ты мне призналась. Потому что ты тем самым заставила меня решиться на ... — замираю.

— На что? — замирает ответно, ждёт.

— На развод с женой, Оксанка! На развод! — начинаю смеяться.

— Правда, Аркаш? Честное слово? Ты не обманываешь? Даже не верится! — глаза широко распахивает, хлопает ресницами и улыбается довольная.

— Да! — В этот момент у меня в голове всё в кучку собралось о моих дальнейших действиях. Её признание как раз вовремя! Пусть думает, что я готов ради неё от жены уйти. Другую ей правду знать не надо. Ну не признаваться же мне, что я встретил сына и Лина сама меня скоро выставит с вещами за порог!

Она визжит, начинает целовать губы, щёки, лоб, нос, всего меня! Я хохочу, находясь в состоянии абсолютного счастья, и сажаю её на себя.

Ловлю себя на мысли, что всё словно так и надо! Так и должно быть и идёт как по маслу!

Возможно, я бы ещё сам потянул с разводом, но жизнь внесла свои коррективы, и отказываться от них нет ни единой возможности.

Мы пошли в ресторан, где, как я был уверен, не увижу никого из родных или знакомых, но... там встретил самого родного человека, словно по закону подлости.

Пока я думаю, как всё сказать Лине, Оксанка стаскивает с меня брюки и возвращается в позу повелительницы.

— Мы же только что... Погоди, дай передохнуть, неугомонная! — игриво сопротивляюсь.

— Хочу! — наигранно дует губёшки свои сладкие, настаивая.

— Я уже не так молод, солнышко.

— Врёшь, мой жеребец! Не прибедняйся!

— Ну, может, и жеребец, но всё-таки ближе староватый конь, чем жеребец для столь активной половой жизни! — смеюсь, напрашиваясь на её комплименты.

— А вот и неправда! Ты красивый! Умный! Сильный! Активный!

— А ещё богатый?

— Да! — подтверждает, кивает, хохоча.

— А если бы я был простым слесарем? С однушкой где-нибудь на окраине города, с зарплатой в три копейки. Как? Ты всё равно любила бы меня?

— Ну... ты же не такой, — лиса! — С внешностью у тебя всё в порядке, с деньгами тоже, с головой так же. Ведь если бы ты был дураком, ты не был бы генеральным директором целой компании, верно?

— Не поспоришь! Да, это так, — киваю.

Она снова лезет ко мне с лаской, но я не соглашаюсь на неё. Я действительно устал, нужно отдохнуть.

— И когда ты поднимешь вопрос с переездом ко мне? Не

передумаешь?

— Так прямо сегодня и закрою его.

— Какой же ты... решительный! — аплодирует мне, слезает с меня, хочет уйти, но я прежде шлёпаю её по упругой заднице и кайфую. Как же мне всё-таки повезло встретить её...

— А жена твоя не будет палки вставлять? Пытаться уговорить тебя остаться?

— Линка-то? — смеюсь. — Нет, уговаривать не будет. Нужно знать мою жену, гордая слишком.

— Отлично! Только не передумай, пока будешь до дома ехать! — грозит мне пальчиком.

Оксанка уходит на кухню, а я возвращаюсь мыслями к жене и предстоящем выяснении отношений.

Если честно, оступившись однажды, когда жена простила меня, я думал, что смогу устоять перед искушениями второй раз и не изменю ей, но я ошибся.

И моя жена тоже ошиблась.

Всё повторилось со мной, и исправить это уже невозможно. Думал, совесть будет мучить, а нет, ничего, не мучает. Не знаю, возможно из-за того, что нет никакого страха за то, что моя жизнь может измениться?

Оксанка каждый раз, когда меня касается, словно в мой тридцатник меня возвращает. Это ж верно говорят, что старость, она только на лице в виде морщин, складок лишних, обвисшей кожи. А в душе ты такой же пацан, просто прио-

ритеты становятся другие.

Моим желанием вдруг стало жить так как я хочу. Надоело подстраиваться под какие-то правила, стандарты, установки, придуманные обществом и женой.

Занудство это всё, живём один раз! И прожить эту жизнь надо так, чтобы потом не было мучительно больно!

К тому же, к такому возрасту как сейчас, ближе к полтиннику, человек действительно понимает, что он хочет.

На хотелки, правда, деньги нужны, в том числе. Но у Оксаны с этим, как я понял по её расходам, всё в порядке. Она не экономит, значит, деньги у неё есть, как она говорила. Не думаю, что и на меня пожалеет денег на первоначальном этапе нашей совместной жизни. Не зря же я её спросил — будет ли она меня любого любить. Сказала же, что да!

Пока еду домой, понимаю, что мне предстоит много важных и сложных разговоров с женой, с сыном, с дочерью. Как оно всё пройдёт... сложно пока сказать. Но сто процентов в скандале и тяжело.

Лина и дочка, наверняка будут в бешенстве, но сын-то должен понять меня как мужик! Главное, чтобы он с кулаками не бросился. Это он может.

Как бы оно ни было, бегать от разговора с ним не стану. Он будет тяжёлым, но всё равно выбираю сначала ехать к нему.

Да и понять мне надо, выяснить, жена сегодня в телефонном разговоре была так холодна со мной случайно, из-за про-

блем на работе или она всё знает о моей встрече в ресторане с сыном.

Глава 12

На удивление, вечером, вернувшись домой, я, прикоснувшись к подушке, чтобы почитать, пока жду мужа, моментально провалилась в сон.

Ожидаемо, впрочем. Меня накрыло волной усталости.

Бессонные ночи взяли своё, и сил сопротивляться не осталось, да, если честно, и не хотелось приоритетом сну выбирать конфликт с Аркадием.

Убрав чемодан, чтобы он не был готов к разговору, увидев его, я решила отложить разговор на завтра. Днём раньше, днём позже, какая теперь разница?

Нет, я не оттягиваю неизбежное, просто сил нет. А мне они нужны даже для элементарного разговора.

В итоге я не только не услышала, как он вернулся, но и забыв завести будильник, проспала утром почти до одиннадцати часов.

Открыв глаза, взглянув на время, поняла, что его уже нет дома.

На работе решать такие вопросы, естественно, я не стану. И чтобы не сорваться, просто не поехала сегодня на неё, устроив себе выходной.

Я слишком много работаю, имею право и на такие радости.

— Прогуляемся по магазинам? — звоню Свете.

— Я с удовольствием, почему нет!

Договариваемся о встрече в нашем любимом ресторанчике, где мы часто обедаем со Светой по выходным. Пока еду на встречу, мысли крутятся вокруг одного вопроса: сказать ей правду про то, что наш сын встретил Аркадия с любовницей или промолчать пока?

Приезжаю чуть раньше. Заказываю кофе и жду, продолжая сомневаться.

Я знаю, сестра в любом случае поддержит меня, но втягивать её в нашу грязь почему-то совсем не хочется.

— Привет, — говорю, стараясь скрыть своё состояние, когда она появляется.

— Привет, — снимает с себя шубку и как-то пристально смотрит на меня. — Нормально всё? — замечаю, как хмурится.

— Нормально.

— А почему тогда встреча незапланированная?

— Соскучилась, — вру.

— А-а-а, — кивает, словно верит мне.

— Давай попробуем новое меню? — перевожу тему. Пусть хоть покусает сначала. — Что нового?

Она отвлекается на мои вопросы и начинает рассказывать о своих делах.

Слушаю её вполуха, мысленно готовя себя к тому моменту, когда придётся рассказать о своих событиях.

Сестра не осудит, я знаю, только всё равно, почему-то

стыдно.

— Ты, сестрица, какая-то странная сегодня. Лин... — Ки-
ваю. Её взгляд сразу же становится серьёзным, вниматель-
ным. — Что-то произошло...

— Да, — опускаю глаза в тарелку и грустно улыбаюсь. —
Мой муж... Аркадий снова загулял, представляешь, — из
меня вырывается нервный смешок. — Он снова предал ме-
ня. Ты была права насчёт него, он редкостный мудака...

Светка внимательно смотрит на меня и молчит. Замечаю,
как её глаза сначала становятся удивлёнными, а затем напол-
няются сочувствием.

Жду, когда начнутся слова «А я говорила!», но она лишь
протягивает руку через стол, берёт мою и мягко сжимает её.
Этот жест и наши взгляды словно наш немой разговор, где
она говорит, как сожалеет, как поддерживает меня, как хо-
чет, чтобы мне стало легче, и всё сделает, чтобы помочь мне.

— Лин... — выдавливает из себя. — Родная... Ты увере-
на?

— Да. Игнат их видел вчера. Хотела вчера всё узнать, но
не дождалась его.

— Поговорили уже?

— Нет.

— Почему?

— Вчера уснула, сил для разговора не было. Сегодня про-
спала на работу. И в итоге вообще на неё не пошла. Решила
прогулять, — пытаюсь пошутить. — Да, и сначала хочу по-

говорить с тобой. Зарядиться позитивной энергией, и тогда уже прощаться с ним.

— Без вариантов?

— Без вариантов.

— И что теперь будет? Ну, после расставания.

— Ничего. Расходимся, и я живу дальше.

— Ну и скотина! — не сдерживая, наконец-то своих эмоций, громко говорит сестра.

Ну вот, это моя родная Светка! Замечаем, как многие посетители повернули голову в нашу сторону.

— Извините, — буркнув им, говорит Светлана и снова смотрит на меня. — Ну не свинья ли, — теперь тише. — Столько лет коту под хвост! Ради кого?! Ради ублюдка!

— Света, ты же знаешь, что это не ради него было. А ради детей. Если бы не они... Пожалуйста, прекрати о прошлом, его не вернуть. Я ни о чём не жалею. Оно к лучшему. Ты же знаешь, тогда в то время мы были все уверены, что так будет лучше.

— Для кого?! Для тебя?! Нет! Ты принесла себя в жертву!

— И ты бы сделала то же самое ради своих детей, — и всё-таки кивает, соглашается. Сделала бы, знаю! Уверена на сто процентов.

— Ты выгонишь его?

— Сам уйдёт, — повторяю фразу, которую говорила недавно сыну.

— Вам будет сложно.

— С чего хоть?

— Но вас столько связывает... Компания, имущество, дом, счета в банках. Мамочки, — накрывает свою голову руками и охает, — как теперь всё это делить-то? Девке этой ведь, с которой он спал сколько всего унесёт. Ей же с вашими капиталами, если он даже половину оттяпает, работать не надо будет! — Сестра за меня очень переживает, и я готова её успокоить. — Лина, ну где справедливость, а?!

— Справедливости, сестрёнка, нет в этой жизни.

— Ну, может хоть бумеранг...

— Ага. Но запускать его обманутой женщине надо самой. Как у десантников, знаешь: «Никто, кроме нас».

— Она ничего не сделала, не работала как ты, но столько всего поймёт от вашей семьи только потому, что он не умеет свой стручок в штанах держать... — смотрит сочувствующе на меня, а потом прикрывает рот ладошкой, видимо, сожалея, что сказала это вслух.

— Обломится, — шучу, замечая, что Света не понимает меня. — Поешь, сестрёнка. Хочу прогуляться по магазинам. Компанию составишь? Я недавно в одном магазинчике платье классное приглядела, пойдём, посмотришь на меня со стороны? Хочу мнение твоё услышать.

— Ты что-то про его девуку знаешь... — кивает сама, — знаешь...

— Ага, — не сдерживаюсь и смеюсь.

— Что?!

— Пока всего рассказать не могу, но потом обязательно!

— Не доверяешь? — обиделась.

— Доверяю, только и у стен есть уши. Приглашаю тебя к себе домой, там и поболтаем.

— Как сериал, бляха, смотрю! — сестра всё-таки не злится, понимает меня, слышит, и я благодарна ей за это.

— Да. Но точно в этом сериале обещаю хеппи-энд для... себя, любимой! Свет, я только одно тебе скажу про девуку ту. Как только я увидела список тех, кто её имел и среди них встретила до боли в груди знакомое имя, всё встало на свои места.

— Подсадная?!

— Подкладная! — у меня, на удивление, отличное настроение сегодня.

— ... вырывается возмущение из её рта. И люди снова на нас оборачиваются. — Пойдём за твоим платьем! — встаёт и начинает собираться. — А то смотрят на нас уже все. Вот ведь, интриганка, Линка, — хохочет снова. — Кстати, а зачем тебе новое платье? — напрягается сестра, голос становится строгим. — Только не говори, что ради него?! Ты же не планируешь... возвращать его, даже если он снова оступился по глупости?

— Вот ещё! Я же не сумасшедшая! — улыбаюсь, и Света расслабляется, глядя на меня. — Даже мысли такой не было! Естественно, ради себя, ни ради кого больше!

— Ну ладно... Тогда пойдём, посмотрим на тебя со сторо-

ны.

Мы купили платье и поехали ко мне. Дома решили продолжить наше душевное общение и распили бутылочку полусухого.

Аркадий написал, что задерживается «на работе с новым проектом», и я этому только обрадовалась.

Мы говорили с сестрой сейчас обо всём и ни о чём. Смеялись, плакали, целовались и обнимались. И мне по-настоящему было хорошо рядом с ней.

— Мне сегодня остаться с тобой?

— Зачем?

— Ну, может, тебе помощь нужна! Давай вместе его вытолкаем вшаей. Я с удовольствием ему пинка для скорости дам! — потирает руки, готовясь к предстоящему событию.

— Он ещё не признался мне, чтобы я его выгоняла.

— А ты сама будешь молчать? Не скажешь, что всё знаешь? В чём принцип?

— Нет, долго ждать не буду. Сначала думала пару дней дать ему, чтобы сам признался, а теперь понимаю, что не хочу. Не удержусь сама, спрошу как есть.

— Как же у тебя всё просто... спокойно, — подбирает слова. — Ну, Линка, солнышко, прояви себя, ведь ураган в душе, уверена!

— Ураган, но толку от моих истерик?

— Ну хотя бы скажи, что по-настоящему чувствуешь!

— Ты хочешь знать? — кивает. — Хорошо, — собираюсь

с силами, чтобы окупиться в своё прошлое.

Я старалась давно этого не делать, но с сестрой теперь чувствую необходимость выговориться наконец-то и открыть ей все свои тайны.

— Когда случилась первая измена, сначала я растерялась и не знала, как жить дальше. Во мне всё кипело от обиды и непонимания: за что он так со мной? Наверное, каждая женщина задаёт себе такой вопрос, когда случается измена впервые. Он, как и все мужики в его поведении, желая вернуться домой, позже говорил, клялся, что такого больше не повторится. Помнишь, как все объединились, когда он мой порог оббивал? — Светлана кивает.

Помнит, конечно. Она как раз была единственной, кто не верил ему.

— Вот я и сдалась... — продолжаю. — Маша заболела, сказали на нервной почве, требовали, чтобы я решила вопрос с участием отцам в её жизни. А он и рад был стараться зацепиться за её болезнь. Тогда нам всем было тяжело. Мне тяжело. Игнату тоже. Маше. Окружение настаивало на то, что он остуился и очень любит меня. Я долго думала, правда, сомневалась, взвешивала всё. А потом вдруг поняла: уж если принимать его обратно, то только в одном случае... если выберу себя и свои интересы.

— Как это? — пока она не знает подробностей нашей жизни, ей, вижу, не всё понятно в моих словах.

— Он для меня перестал значить то, что значил до изме-

ны. Раньше всё было сосредоточено на том, чтобы ему было хорошо и нашей семье. А здесь я вдруг поняла, что надо постараться о себе прежде всего думать, для себя выгоду искать.

— Погоди, погоди... А в чём твоя выгода? Ты жила с ним для... видимости? Ваши отношения просто ширма были, ради детей, да?

Света очень аккуратно подбирает слова, но я отрицательно кручу головой.

— Так... не угадала, — закусывает задумчиво губы, рассуждает, гадает. — А, поняла! Ты завела себе кого-то? У тебя тоже есть любовник?

Сестра замирает в удивлении и говорит это практически шёпотом.

— Клин клином, да, Линка? И он знает про твоего любовника, поэтому ты и ему позволила завести постельную даму?

У неё глаза сейчас как блюдца от удивления. Не выдерживаю, смеюсь. Звонко. Громко.

— Линка-а-а, ну не издевайся, признавайся! — хватается меня за руки и требует ответа. — Ну!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.